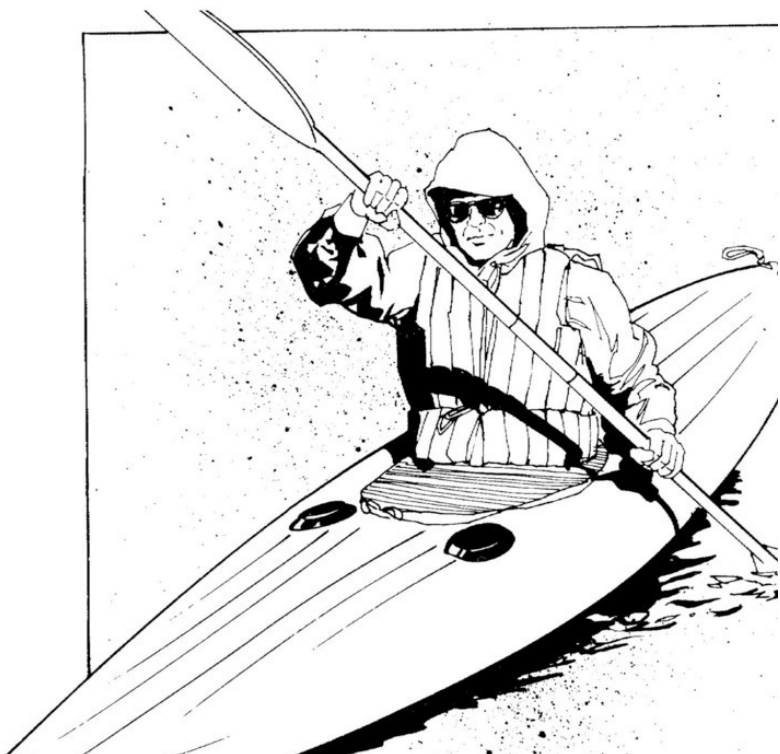

Дмитрий Дурнев
Иван Рубин
Мы, или Хроника одного сплава

**Иван Рубин
Дмитрий Дурнев
Мы, или Хроника
одного сплава**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478768

ISBN 9785005065544

Аннотация

Четверо парней в отпуске сплавливаются на байдарках по реке, встречаются с людьми, общаются с ними и между собой – пытаются понять, как им, желающим жить в России, жить в ней. Книга содержит нецензурную брань.

Мы, или Хроника одного сплава

Дмитрий Дурнев
Иван Рубин

*На плакатах в вагонах метро читаю: «Сегодня
равнодушие преступно».*

*Сущая правда. Именно потому появилась эта
книга.*

© Дмитрий Дурнев, 2019

© Иван Рубин, 2019

ISBN 978-5-0050-6554-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На листе майкрософтовского «Word'a» одна за другой появляются буквы, складываются в слова:

«Прошу предоставить мне»

От каждой буквы веет воистину неподдельным кайфом. Смакуя каждую, пальцы продолжают неторопливо отбивать

на «клаве»:

«очередной отпуск с»

С... Так... Указатель «мышки» перескакивает в правый нижний угол монитора. Хрустящий дабл-клик и в центре монитора появляется окошко календаря. Итак... Завтра девятое число. Alt-F4. Палец вдохновенно взмывает над клавишей, прекрасной, великолепной клавишей, той самой, на которой нарисована девятка. Значит, отпуск с...

Колонки взрываются стандартным оповещением об ошибке. Мля... «Word» схлопывается, а вместо него на экране появляется вопрошающий диалог с кнопками «Yes», «No» и английским текстом, значащим в переводе: «Выполнить восстановление документа или нет?»

Опять упал! Задолбало! Снести к такой-то матери! Снести... и снова поставить... А куда без него? Чёрт! Триста зелёных за лицензионку «Офиса»? Ха! Конторское руководство жаба задушит! Да и сам бы я хрен заплатил... Значит, придётся продолжить пользоваться пиратский – ломанный, глючный, но бесплатный...

– Иван!

Не надо мне ни черта восстанавливать, перебыюсь как-нибудь.

«Отправить отчёт об ошибке?» – это уже в другом диалоговом окне, выскочившем сразу после того, как разделался с первым.

Ага, прямо к Билли Гейтсу пред ясны очи... Щас!

– Иван?!

– А? Чего?

Отрываю взгляд от монитора. Симпатичная девушка Тоня, правой ручкой облокотившись на мой стол, левой протягивает мне листок формата А4.

– Подпиши тут...

– А что там у тебя?

– Заявление. Я ж говорила, что увольняюсь.

– А... извини... Забыл совсем, закурился. Ну, ты точно решила?

– Ага, – кивает Тоня, придав лицу уверенное выражение.

– С хозяйством всё уладила: опись, протокол, сдал, принял?

– Вань!

– Что?

– Ну, я ж бумажки все тебе показывала – с подписями и печатями! Вчера вечером!!

– Блин... Запарился совсем. То одно, то другое... Ну давай, подмахну.... Куда намылилась-то?

– Да так... Есть одно место, – загадочно улыбается Тоня.

Заполучив назад теперь уже подписанное заявление об увольнении, она удаляется. Грациозно покачивая затянутыми в джинсу бёдрами, шествует между столами, пожираемая взглядами коллег мужского пола. Едва ли не каждый из них в своё время пытался за ней приударить.

Не дожидаясь, пока Тоня скроется из вида, не без усилия

отвожу глаза от её ладно скроенной фигурки. Правильно делает, что увольняется! Одобряю! И на кой ляд вообще она в программеры подалась? Нет, она не глупая, с обязанностями справляется наравне с парнями, но всё же... Искренне не понимаю я, зачем такие вот девчонки на такие места приходят? Голяк ведь полный. На что надеются? Нет, чтобы менеджером каким-нибудь устроиться – поближе к деньгам, к распределению благ. Или секретаршей к похотливому боссу. Оскорбительно звучит? Ну да! А что поделаешь? Жизнь такая... Ценится не умение квалифицированно работать, а умение устраиваться. Так пусть Тоня устроится, пусть ей повезёт, пусть схватит за хвост (или за какое другое место) синюю или какую там ещё птицу... А здесь, здесь ей ничего не светило... На таких местах, как её бывшее или моё настоящее, сидят лузеры. Да, именно лузеры. Я всё чаще над этим задумываюсь. Хорошие, в большинстве своём порядочные и неглупые люди. Лузеры отечественной формации. В свете нынешней ситуации. Как это ни прискорбно, те, кто может работать и работать хорошо, даже отлично, но совершенно не умеет устраиваться.

Летучая мышь на иконке почтовой программы «The Bat» «оживает» – принимается махать крыльями.

«На завтрашний корпоратив идёшь?»

С уважением, зам. нач. аналитической группы Шамсут-

динов Сергей.»

Вот и весь текст прибывшего письма.

Иду ли я на корпоратив? Скорее нет, чем да.

Так и отпишем.

«Нет.

С уважением, нач. сектора 213 Иван Рубин.»

Корпоратив – штука, конечно, занимательная... Типа, бурное единение нижних с верхними. Так обычно наединимся, что на следующий день друг на друга смотреть стыдно. Глаза отводим, делаем вид, что ужасно заняты, и окружающих – собратьев по единению – не замечаем. Хорошо, если держал себя в руках и контролировал, что при том единении говорил-творил. А если нет, если чего ляпнул – недовольство али инакомыслие проявил, охаял генеральную линию, к примеру, или в приватной беседе с коллегой шефа как-нибудь непотребно и чересчур громко обозвал? А шеф в это время неподалёку отирался... и при этом малопьющий он, сука, и, как говорится, человек в общем-то незлопамятный, но память у него хорошая... Бр-р-р... Аж мурашки по коже. Летучая мышь опять замахала крыльями.

«А чё так?

С уважением, зам. нач. аналитической группы Шамсутдинов Сергей.»

Чё-чё, через плечо!

«В отпуске я с завтрашнего дня. Сваливаю из этого города! Удачно повеселиться, много не пей, не шали и всё такое;»

С уважением, нач. сектора 213 Иван Рубин.»

– Кх-кх-м, – раздаётся над моим ухом вкрадчивое покашливание.

Кликом «мышки» отправив письмо адресату, я сосредотачиваю внимание на источнике кашля.

– Ты, Саш, заболел что ли?

– Да так... – сконфуженно отвечает Шурик, – в горле запершило. – Для правдоподобности он легонько надавливает пальцами на кадык и ещё раз делает «Кх-кх-м».

– Ты ко мне с вопросом или пришёл рядом постоять?

Шурик конфузится ещё больше: глаза его, только что бездонно-голубые, мутнеют, а на щеках появляется бледный румянец. Эх, молодо-зелено, первая работа после универа, робость даже перед мелким начальством...

– Саш, говори, чего нужно.

– Иван, тут такое дело... – произносит Саша вполголоса.

– Ну?

– Я вроде как срок испытательный прошёл...

– И?

– Зарплату же прибавить обещали...

– И?

– Ни фига.

– Ага, ясно. Ты, значит, пришёл ко мне о прибавке говорить?

– Ну да.

Что сказать тебе, Шурик, молодец, что пришёл. Некоторые по полгода после испытательного не заикнутся, чтобы потребовать обещанную прибавку. А ты всего два месяца терпел.

– Та-а-к... – тяну я, испытующе глядя на Александра. – И сколько после испытательного прошло уже?

– Два месяца. И вот... – он протягивает мне конверт.

– Что это?

– Как что? – удивляется Шурик. – Зарплату ж сегодня давали...

– А, ну да... И как, пересчитали? – интересуюсь я, пощупав конверт. В конверте не густо...

Глаза Шурика расширяются, слегка вылезая из орбит.

– Я же уже сказал... – выдыхает он хрипло.

– Ну и? – продолжаю тупить я, испытывая терпение подчинённого. И вижу я, что терпение это вот-вот лопнет: физиономия Шурика побледнела, нос заострился, а желваки на скулах заходили ходуном. Ну же, давай, пацан, не бой-

ся, гаркни в мою бесстыжую морду что-нибудь эдакое! Я ж ведь для чего тут идиота разыгрываю? Да для твоего же блага, чтоб ты меня и таких, как я, бояться перестал и не краснел перед нами, как девочка! Подумаешь, начальник?! И что с того? Тебе обещали, значит, имеешь право требовать обещанное, так пользуйся им, правом этим! Не мямли!

– Я же уже сказал... – повторяет Саша. В голосе его сквозит полнейшая безнадега. Выдержав паузу, он круто разворачивается на 180 градусов.

– Стой! – окликаю его. – Пойдём-ка покурим.

В курилке мы устраиваемся у окна, закуриваем. Саша хмурится, на лбу его собираются глубокие складки морщин. Я с интересом наблюдаю за ним, выжидаю, скажет он что-нибудь или нет. Молчит. Добив сигарету до фильтра, я начинаю разъяснительно-воспитательную работу:

– Саш, я вижу, что ты парень нормальный, вижу, что работаешь хорошо, развиваешься профессионально. В общем, вполне достоин прибавки.

Морщины на Сашинем лбу моментально разглаживаются.

– Только конкретно сейчас я тебе ничем помочь не могу. Во-первых! – поднимаю я указательный палец, делая откровенно было рот Шурику знак помолчать – Сейчас... – бросаю взгляд на часы, – сейчас, Саша, семнадцать часов двадцать минут. То есть, до конца рабочего дня осталось сорок минут. Какого ж хрена ты припёрся с вопросом о прибавке в конце рабочего дня? Чтобы ночью нам обоим креп-

че спалось? Во-вторых, через десять минут я должен быть на совещании, я бы конечно с большим удовольствием с тобой потрепался о деньгах и дальнейших твоих перспективах в этой конторе, но, блин, боюсь, нач. отдела, товарищ Труханов, не поймёт. И, наконец, в-третьих, с завтрашнего дня я в отпуске, я же рассылку уведомительную делал. Получал?

– Угу.

– Так что, сам понимаешь... – развожу я руками. – А вот когда вернусь, тогда и поговорим. О'кеу?

– О'б, – улыбается Шурик.

– Сухо от Оки до Оби! – отзываюсь я. – А вообще, чего тянуть? Тебе меня ждать – месяц потерять. Я в отпуск на месяц ухожу, договорился. Ты меня не жди, возьми да сам с Трухановым побеседуй. Ведь вопрос о твоей зарплате в любом случае придётся утрясать с ним. Прямо завтра и побеседуй: так, мол, и так, гони бабки, шеф!

– Попробую... – неуверенно произносит Шурик.

– Вот и молодец! Нельзя ждать бонусов от начальства. Выбить их из него – наша задача! Ладно, пошли работать, солнце ещё высоко.

На рабочее место я возвращаюсь с чувством выполненного долга. Молодых надо учить, чтобы не облажались! Ведь как бывает, когда такие молодые впервые устраиваются на работу? На множестве примеров могу судить, что все эти замечательные мальчишки и девчонки с поражающим энтузиазмом бросаются разгрести завалы того, мягко говоря,

дерьма, которое произвели их «старшие» товарищи и коллеги и которое им самим влом разгребать, потому что уже типа дедушки, а не какие-то там салабоны. И мальчишки-девочки начинают действовать по заученному принципу: «Сначала ты работаешь на имя, а потом имя работает на тебя». И это правильно сказано. Никаких сомнений. Они упрямо разгребают, сворачивают горы и, наконец, доказывают окружающим, что они «самые-самые». И к ним бегут с просьбами наладить, исправить, объяснить. И они налаживают, исправляют, объясняют – по доброте душевной, потому что надо, потому что иначе никак и вообще во имя мира во всём мире и прочей лабуды, которую старательно подвешивают им на уши. Но почти к каждому из них со временем приходит осознание того, что вроде бы он уже «самый-самый», что имя давно работает на него, но почему-то ещё ни шиша ему не заработало. И тут самые умные и действительно «самые-самые», уверенные в себе и в том, что они в состоянии качественно выполнять то, что от них требуется, из стаза «За Родину, за Сталина» (читай «За контору, за кошелёк генерального и иже с ним») начинают переходить в стаз «Don't fuck my brain», т.е. прекратите канифолить мои мозги всей этой корпоративной лабудой. Заплатите соответственно моим усилиям, и всё будет о'кей. И это тоже правильно! Если заявивший это уже состоявшийся профи, реальный спец, к нему, скорее всего, прислушаются и ему заплатят, потому что потерять его – сесть в лужу, искать нового

молодого дурачка, которого опять надо обучать и подготавливать, прежде чем он что-то сможет сделать без вреда для организации. Тут, конечно, надо принять во внимание умственное состояние начальства, его способность адекватно воспринимать ситуацию. Если идиоты... ну что ж... их проблемы. Вас, профессионала, с руками оторвут! Смелее! Так держать, профи, выше голову, и враг (хитрованы-начальники, трывдящие про какие-то корпоративные интересы) будет повержен! Таков мой вам совет. Какие, к чёрту, корпоративные интересы, какой корпоративный дух, когда у вас всего лишь одна-разъединственная жизнь в запасе и надо прожить её так, чтобы... ну дальше вы сами знаете.

За оставшиеся до стрелки с начальством пятнадцать минут я успеваю запустить злосчастный ворованный Word, «набить» заявление на отпуск и отправить его на печать.

...В комнате для совещаний людно. Вокруг длинного стола со скруглёнными углами (всё по науке, как советуют психологи – нет острых углов, значит договориться проще) рассаживаются молодые и не очень мужчины, шаркают ножки стульев, поскрипывает дерматиновая обивка, шуршат бумаги. Рядом со мной садится Миша Шифман – начальник Аналитической группы. Кладет на стол органайзер в кожаной обложке, раскрывает на чистой странице. Миша отличный парень. Умница и работяга. Его целиком и полностью характеризует строчка из песни Высоцкого: «Мишка Шифман башковит». Наш Мишка действительно башковит, напорист

и оборотист. И он наверняка бы уже сделал головокружительную карьеру, если бы не его тяжелобольная мать. Миша ходит за ней, как за ребёнком, кормит с ложечки, в общем, относится к ней, как к самой настоящей святыне. Ах да, запамятовал... Вернее будет сказать, относился... Пару недель назад его матушка отдала Богу душу. С тех пор Миша сам не свой, как говорится, как в воду опущенный. Ну, ничего, оправится и крутанётся. О том, как он крутанётся, какую должность и в какой структуре займёт, мы теперь праздно переговариваемся во время обедов и перекуров.

– Все в сборе? – интересуется начальник отдела, Александр Юрьевич Труханов. По-демократичному – просто Александр или Саша. Он обводит взглядом собравшихся и сам же отвечает на свой вопрос: – Вроде все. Значит, напоминаю, что завтра всем стоит явиться на корпоративное мероприятие. Слышал, что какую-то группу заказали, то ли Сливки, то ли Кофе – один хрен, не разбираюсь. Виски, коньяк, чачлык и чача. За всё уплочено, – Саша улыбается и подмигивает. – Не плохо поработали, хорошо отдохнём.

– Ну да, чача... – кривится сидящий напротив меня Толик Жжёнов (между нами «Жжённый»). – Помню я, прошлый раз палёнку какую-то выставили по сто пятьдесят рэ за бутылку. Не солидно как-то... Я знакомому рассказал, так он не поверил. Мол, чего это вас так опустили?

– Да ладно тебе, Толь, халява же... – апеллирует к «Жжёному» Эдик Вавилов, Сашин заместитель. – Как говорится,

и укус...

– Ну не скажи... – морщится «Жжёный».

– Так, стоп! – обрывает его Саша. – Кому не нравится, может не пить. И вообще, мы здесь зачем собрались? Давайте по делу!

– Давно пора, – шепчет Миша Шифман, косясь на наручные часы.

– Итак, этим совещанием мы закрываем первый этап работ по проекту «Каскад» и сразу же, без промедлений, открываем второй, – сообщает Саша. – Я собрал вас здесь, чтобы выслушать комментарии по пройденному этапу и предложения по новому.

Ну е-моё... А моя-то персона здесь на кой? Я к этому «Каскаду» какое отношение имею?

Словно прочитав мои мысли, Саша переводит взгляд на меня, произносит сурово:

– Чего ты морщишься, Иван? Твоё мнение, твой взгляд со стороны нам тоже интересны. Одно ж, по сути, дело делаем. И вообще, я не исключаю, что твой сектор в скором времени бросим на помощь «Каскадовцам». Сроки поджимают...

От этих слов мне едва не становится дурно. Только этого не хватало. И так почти постоянно в авральном режиме, а тут ещё «Каскад»...

– И это не освободит вас от текущих обязанностей, – кивает Саша. – По твоей физиономии вижу, что именно об этом

ты сейчас думаешь, – ухмыляется он, физиономист хренов. – Ты послушай, о чём говорить будем, поразмысли, мы тебя выслушаем в конце, изобразишь нам финальный аккорд...

– Всенепременно, – бурчу я.

– Поехали! – командует Саша. – Выкладывайте впечатления, соображения, претензии!

Над столом на секунду повисает пауза, а потом раздаётся обиженно-капризный голосок Коли Христенко, руководителя проекта «Каскад»:

– Александр, я в который раз говорю, что так нельзя!

– Чего? – опешивает Саша.

– Я в который раз говорю, что нам нужна чёткая стратегия проведения совещаний. Что это за бедлам такой, когда все беспорядочно, в вольной форме излагают свои мысли? Нам необходимо разработать стандартный план совещания: кто, о чём, как и каким образом докладывает! Вывесить его на видном месте и чтобы каждый, – Коля обводит нас уничтожающим взглядом, – подчёркиваю, каждый, зубрил как «Отче наш»!

– Мля... – в гробовой тишине, на фоне перекошенных лиц, – звучит выдох Миши Шифмана. – Ты мне ещё ночью позвони и прикажи изложить... план твой...

– И позвоню, если того потребуют интересы компании! – срывается на фальцет Христенко, вскакивает со стула. – А не изложишь... тебе же хуже...

– Ага, этот товарищ нам уже не товарищ! – произносит

Саша, и повисшее было в воздухе напряжение разряжается. Мы принимаемся улыбаться и похихикивать. Даже на лице Николая на мгновение зажигается улыбка. – Ты, Николай, не горячись, идея твоя в общем не лишена здравого смысла, – обращается Саша к поборнику строгих распорядков. – Предлагаю вынести её на отдельное обсуждение. Что скажешь?

– Скажу, что это просто необходимо, я считаю, что, введя в практику чёткое, детальное планирование каждого нашего действия, мы сможем повысить эффективность и, тем самым, компания...

– Николай! – обрывает Саша говоруна.

– Да?

– Я же сказал, что обсудим позже. И тогда ты нам всё изложишь детально, с выкладками, как полагается.

Лицо Христенко расцветает, как майская роза.

– Конечно! Я всё подготовлю.

Усаживаясь на стул, он всё ещё продолжает что-то бубнить про компанию и планирование. С четверть минуты Саша по-отечески сурово смотрит на него, а потом даёт отмашку, и совещание начинается...

Пока мои коллеги высказывают мнения, рапортуют и спорят, я пытаюсь понять, как теперь жить... Как жить Ивану Рубину, начальнику по гнилым вопросам. Кстати, я так всем и представляюсь – на работе, естественно. Начальник – потому что заведую в своем отделе сектором, а по гнилым во-

просам – потому что в наш сектор сваливают именно «гнилые» вопросы. То есть, трудноразрешимые и те, к которым вообще не понятно с какой стороны подойти. «Один из самых ответственных участков работы и всё такое» – так примерно говорит вышестоящее начальство. И оно отчасти право. А в другой части все эти конторские «жени криворучки» обнаглели настолько, что списывают на нас кроме реально проблемных задач и те, решить которые – что два пальца об асфальт. Бывает, смотрю я на повешенную на сектор задачу и искренне недоумеваю: «Ребята, а вы-то чем занимаетесь?». И ведь находят, чем заняться. Бегают, суетсяя, по пять раз на дню совещаются, ведут глубоко философские беседы за кружкой чая, а когда очередной проект обычным образом оказывается в анусе, ищут, на кого бы перевести стрелки. А теперь ещё и этот «Каскад», так его растак. Проект денежный, многообещающий, грамотно выполненный он сулит конторе прорыв в своем секторе рынка программного обеспечения, утирает нос конкурентам, затыкает их за пояс или куда подальше. Но... именно грамотно выполненный. Без сучка, без задоринки... Блин, придётся напрягаться, рвать зад на части... Или попробовать отмазаться?

– Ива-а-а-н... – долетает до моего сознания. – Иван! Ты спишь что ли?!

– Нет, Саш, задумался...

– Надеюсь, по делу?

– А то как же!

– И?

– Согласен я, что одно дело делаем. Так что, чем сможем, поможем. «Каскад» – проект важный, даже архиважный... Понимаю, очень нужно, чтобы всё по нему без проблем прошло...

Саша кивает, улыбкой благодарит за понимание.

– Дело-то одно... – Выдерживаю паузу и бью, не в бровь, а в глаз: – Но, Саш, по текучке у нас проблемы ожидаются...

– Какие такие проблемы, – хмурится Саша. Упершись ладонями в подлокотники, он приподнимается со стула и, нависнув над столом, вперивает в меня колючий взгляд.

– Проблема по сути одна: клонирование запрещено.

Все, кто есть вокруг, раскрывают рты. На лице каждого присутствующего на совещании написан немой вопрос: «я не ослышался?»

– Вань, ты случайно в обед водочки не принял? – вкрадчиво интересуется Саша.

– Ну ты что, я на боевом посту ни-ни! – заверяю я.

– А что ж ты тогда несёшь? Какое клонирование?!

– Ресурсов хронически не хватает, а тут ещё Тоня Александрова увольняется. Её работу я, естественно, распределю по ребятам, но, блин, «Каскад»... Можно, конечно, новых людей взять, но потянут ли? С запараллеливанием на «Каскад» мне программеров моих клонировать бы нужно... А нельзя... Или есть ещё вариант: давай их в контору переселим! Койки поставим, завтрак, обед, ужин подвозить

будем... чтоб день и ночь, день и ночь у станка!

Саша опускается на стул, закрывает глаза и долго сидит молча. В совещательной всё это время стоит гробовая тишина.

– Вот ведь ты какой, – наконец, произносит он, не открывая глаз. – Всегда найдёшь, какую гадость сказать...

– Извини, но ведь правда же! – говорю уверенно.

– Да уж... – вздыхает Саша. – Ладно, ты ведь в отпуск собрался?

– Да.

– Ну сходи, отдохни, потом обсудим. Твоих пока трогать не буду, пусть работают, как работали.

Фу ты, чёрт! Неужели прокатило? Отсрочку получили, глядишь, и вовсе обойдётся... Не, я совсем не прочь оказать посильную помощь, но именно посильную! Ведь не снимают с нас старых обязанностей, а стало быть, и ответственность старую, да ещё новыми проблемами нагружают! И спрос, значит, двойной будет. Оно нам надо? Проходили мы это уже. За стахановский результат спасибо и грамота, а за провал – групповуха с начальством. Один проект – один раз отымеют, два – на два и умножай...

– Что ж, все свободны! – распоряжается Саша. – До завтрашнего корпоратива! – уточняет он.

– Саш, я завтра уезжаю, – предупреждаю я, – так что...

– И что ты за человек такой, Рубин?! – кисло улыбается Саша.

Я пожимаю плечами, дескать, откуда ж мне знать?

– Заявление-то написал?

– Естественно!

– Ну, давай что ли, подпишу...

– И я ещё раз хочу напомнить о необходимости регламентирования всех работ! – голос Христенко, как чёртик из коробочки для небезызвестной героини фильма «Брильянтовая рука». Мои расслабившиеся по окончании совещания коллеги все как один вздрагивают и застывают в самых разнообразных позах. На мгновение переговорная превращается в филиал музея мадам Тюссо. Саша замер с занесённой для постановки визы авторучкой, «Жжёный» – в позе разгибающейся уборщицы – сделал попытку подняться со стула, Эдик Вавилов с вставленным в ноздрю кончиком указательного пальца. И на фоне этого неимоверно громким кажется мне вздох или даже взрыд Миши Шифмана: из-под прикрывающих лицо ладоней какое-то нечленораздельное «аибанарот»...

Какой народ? При чём тут народ? – лихорадочно пытаюсь сообразить я.

... Чем хорош разгар лета? Да тем, что как поздно ни выйди из конторы (в пределах разумного, конечно), а на улице, как правило, солнышко пригревает, птички щебечут, если ноги занесут тебя в какой-нибудь скверик. Благодать! Вот и сейчас, как в той присказке, тепло, светло и мухи не кусают. Но сегодня, вместо тенистого скверика, я прямиком

направляю стопы к метрополитену имени вождя мирового пролетариата. Скорее домой, встречать гостей! Друг ко мне приезжает – Костик. Посидим за ужином, водочки тятнем, а завтра в путь-дорогу дальнюю.

Звонок мобильного раздаётся как раз, когда я собираюсь броситься в распростёртые объятия подземки – распахнутые двери станции «Домодедовская».

– Да, Костя, слушаю!

– Здорово, Иван... – голос Костики звучит настораживающе виновато. – Тут, понимаешь, дело такое...

– Что стряслось?

– Не смогу сегодня приехать... Проблемы нарисовались.

– Как это так?! – у меня в груди холодеет, будто под грудину запихнули кусок льда, неужели отпуск накрылся?

– Да ты не волнуйся, Вань, до завтра разберусь. И утром, как штык, у тебя! Договорились?

– Фу ты, блин, напугал... – выдыхаю я, чувствуя, как внутренности мои оттаивают. – Во сколько ждать?

– Часам к десяти подгребу, ну, может, к одиннадцати. Ладь?

– Ага.

– Тогда до завтра!

– Бывай!

После беседы с Костиком нырять под землю мне как-то сразу расхотелось. Необходимость спешить домой отпала, что я там один делать буду? Надо чем-то себя занять на ве-

чер... Позвонить что ли Виталику, коллеге по предыдущей работе, он парень разбитной, тусовочный, может девчонок организует, приятно проведём время... А что, мысль!

– Вань, ты чего в метро войти боишься? – звучит у меня за спиной.

Обернувшись на голос, вижу Мишу Шифмана.

– Нет, Миш, не боюсь, размышляю просто, как убить время...

– Я тоже... – грустно произносит Миша. – Домой не тянет, что там делать? Друзей-знакомых как-то не нашёл... С мамой почти постоянно сидел. А теперь вот маюсь вечерами. А уж на выходных вообще места себе не нахожу. В четырёх стенах одному сидеть сил никаких нет, иду на улицу и до темна болтаюсь, как медведь-шатун... А, да что я тебя нагружаю! Своих проблем, наверняка, выше крыши, – Миша умолкает, виновато глядит на меня, а я теряюсь в догадках, что ему ответить. Нам обоим неловко. Надо бы позвонить Виталику, а то свалит на какую-нибудь тусовку, так потом не выловишь, но как вот просто взять и позвонить, когда человек перед тобой душу открывает? Что же ему такое сказать, как поддержать? – Чёрт, стойкое желание напиться! – приходит мне на выручку Миша. – Который день подряд!

– Напиться, говоришь? – переспрашиваю я, оценивая такой вариант развития событий.

– Ну да... – пожимает Миша плечами.

– В принципе можно...

...В ближайшей забегаловке мы заказываем котлеты по-киевски, салаты «Мимоза» и двухсотграммовый графинчик водки.

– За что? – спрашивает Миша, разлив водку по рюмкам.

Я картинно морщу лоб, пытаюсь придумать повод.

– Давай за твой отпуск! – предлагает Михаил.

– Давай.

Чокнувшись, мы опрокидываем по первой.

– Куда отдыхать отправляешься? – осведомляется Миша, наполняя рюмки заново. – В Турцию или в Египет? И вообще, куда сейчас модно ездить на нашем уровне?

– Не знаю, – отвечаю честно. – Я, Миш, с друзьями на «байдах» по реке сплавиться собрался.

– На байдарках? – уточняет Миша.

– Ага.

– Выходит, экстримом увлекаешься?

– Да ладно тебе. Экстрим – это по горной реке: водопады, пороги, напряг с утра до ночи. А мы по-простому, по-деревенски: вёслами чуток помахать, вина попить. Короче, расслабиться на природе.

– Тогда давай за природу, – улыбается Миша, и мы выпиваем. – Я бы тоже рванул на такое мероприятие... – говорит мой собутыльник, закусывая.

– Миш, я бы тебя с радостью пригласил, но состав укомплектован, мест нет... Если только по быстрому найдёшь себе компаньона с «байдой»... Но очень быстро. Самое позд-

нее – послезавтра.

Миша дважды кивает, жуя, и я уже достаю сотовый, чтобы описать ситуацию Косте и получить одобрение на возможное вливание в наш состав новых членов, но Миша меня останавливает:

– Если ты по моему поводу звонить собрался, то не суетись. У меня тут свои мероприятия намечаются.

Пока я прячу сотовый в карман, Миша наливает нам ещё водки.

– Так давай за мероприятия и выпьем, чтобы всё удалось! – предлагает он.

Мы снова чокаемся, я споро опрокидываю в себя очередную стопку, а Миша заунывным голосом выдаёт:

– Уезжаю я... из страны...

– Как? – я едва не поперхнулся.

– Так... – грустно улыбается Миша. – И, скорее всего, навсегда...

Вот это номер! А мы всем отделом гадали, чем Миша займётся, некоторые даже ставки делать пытались, а он... Да уж, что и говорить, всех перехитрил.

– Если не секрет, почему? – интересуюсь я, зажевывая водку салатом. – И чего вдруг так сразу?

– А что меня тут ждёт? – отвечает Миша вопросом на вопрос. – Какие у меня здесь перспективы?

– Ну, я не знаю... Ты же парень головастый.

– Я математик, Вань. Математику с детства любил, «Мех-

мат» МГУ закончил с отличием, аспирантуру, кандидатскую защитил... Не хочу я всего этого, – он тычет пальцем в не первой свежести окно забегаловки. Из него видны верхние этажи здания, в котором обосновалась наша контора. – Всё это – непрерывное зарабатывание денег... Это сейчас главное в этой стране, все на этом помешались. А я? Что мне среди этого делать? Раньше для матери старался, а теперь... Я наукой заниматься хочу, Иван! А кому тут эта наука нужна? Разговоры одни про неё, про субсидии, выделяемые на её развитие. А на деле – академики друг с другом и с властью грызутся. Кто-то те субсидии делит, кто-то власть над учёными... Ай, да ладно! – взмахивает он рукой. – В общем, уезжаю.

– Куда, если не секрет.

Прежде чем ответить, Миша выливает в рюмки остатки водки. Подзывает официантку.

– Девушка, мы ещё грамм двести водки возьмем и по порции этих ваших котлет. Ты не против, Вань?

– Можно.

Прихватив с собой графин и пустые тарелки, девушка удаляется, а Миша поднимает рюмку и безмолвно осушает её.

– Сначала собирался в Канаду, – произносит он, поднеся к носу кусочек чёрного хлеба. – Однокашник мой туда убыл с женой и детьми. Пристроился на кафедре, сейчас докторскую дописывает. Приезжал он месяца полтора назад – такое рассказал, аж слюнки потекли. Работай, твори – простор,

размах. Дети учатся, жена при деле. Курсы языка за счёт государства, стипендия на время обучения на этих курсах. Но самое главное, потом математикой можно будет заниматься в своё удовольствие! Он меня ещё тогда к себе звал, обещал помочь обустроиться. Но тогда мать жива была, куда я от неё? А сейчас – вольная птица...

– Значит, в Канаду? – уточняю я.

– В Канаду уже передумал.

– Хм, я смотрю у тебя большой выбор... Так куда?

– Куда ещё, кроме Канады, может собираться человек с фамилией Шифман? – улыбается Миша.

– Неужели в Землю Обетованную?

– Туда, – кивает Миша, грустно улыбнувшись. – Тётка у меня там, как оказалось. Я не подозревал даже, что родственники за границей есть, а тут, как маме совсем плохо стало, она меня и порадовала. Попросила связаться.

У нашего столика появляется всё та же официантка, составляет с подноса тарелки с котлетами и наполненный до краёв графинчик.

– Давай, Иван, за родственников выпьем, чтобы они были здоровы! – предлагает Миша, и мы выпиваем. – Так вот, – продолжает Михаил, – у тётки муж профессор-физик, и удачно так получилось, что в его конторе место вакантное есть и именно математик нужен.

– Понятно...

– Тётка говорит, свои своим помогать должны.

– Кто бы спорил, – соглашаюсь я, ковыряя вилкой котлету.

...Из забегаловки мы выходим в приподнятом настроении – двести грамм водки на брата это всё же не просто так. На пути к метро Миша продолжает делиться со мной своими планами на будущее, а я искренне надеюсь, что всё у него там, в далёком Израиле, сложится хорошо. У бортика подземного перехода мы останавливаемся, чтобы попрощаться: мне под землю, а Мишка решил переместиться к дому на троллейбусе.

– Ты когда отчаливаешь в свой Рай? – интересуюсь я.

– Не раньше, чем через месяц. Так что увидимся. Но, если вдруг раньше уеду, имей в виду, что рад был знакомству и общению с тобой! Счастливо оставаться! Эх, Ваня... – вздыхает Михаил. – Нет, ну надо же, уезжаю... Ну, а вы... Вы здесь – кровь на рыле – топай к светлому концу...

– Ты же, сука, в Израиле будешь жрать свою мацу! – на автомате откликаюсь я и тут же спохватываюсь: – Ой, Миш, извини! Вырвалось как-то...

В ответ на мою реплику Миша раздражается хохотом! Да ещё каким хохотом – так и на концерте Задорнова не смеются, когда клеймит американов почём зря.

– Уважаю, – выговаривает Миша, с трудом давя смех. – Галича уважаю. И Владимира Семёновича с его Мишкой Шифманом тоже уважаю!

– Владимира Владимировича уважаешь? – раздаётся неподалёку от нас. – Мы как один поворачиваемся на голос,

и нашим глазам предстаёт потрёпанного вида мужичонка с бутылкой пива в одной руке и авоськой в другой. – Владимира Владимировича уважаешь? – переспрашивает он, отхлебнув из бутылки. – Малацца! Владимир Владимирович – это... Ик... Это... это... Ик!

– Зомби... – зло шипит Миша. Лицо его перекошено, от недавней безбашенной весёлости на нём не осталось и следа.

Отсалютовав нам бутылкой, мужичок неловко переступает на месте и, не удержав равновесие, с очередным «Ик!» оседает в предательски притаившиеся в сгустившихся летних сумерках кусты. Оттуда немедленно доносятся звуки оживлённой возни и вдохновенное, как стих о Родине, «ЭТО!»

– Наше все, твою мать... – цедит Миша, отвернувшись от павшего авоськоносителя.

– Миш, ты чего?!

– Такое ощущение, что живу среди зомби...

...В вагоне метро, где я с удобством расположился, оккупировав в одиночку целое сиденье, вместе со мной всего десяток пассажиров. Вагон раскачивается на ходу, мерно постукивают колёса, меня неудержимо клонит в сон. То и дело впадая в дрёму, я заваливаюсь на бок, но как только голова касается сиденья, пробуждаюсь, усаживаюсь поровнее, мутным взглядом скольжу по пассажирам, которым до меня нет никакого дела, и всё повторяется с начала. Наконец, мне это

надоедает, да и неудобно всё же перед людьми... Я беру себя в руки и, кажется, одерживаю победу над Морфеем – временную, конечно. На очередной станции в вагон входит компания – четверо мужчин лет так под шестьдесят. Солидные, при костюмах и галстуках. Не часто таких в метро встретишь. Наверное, личные водители запили, и крутым дядям приходится добираться домой на общественном транспорте. Дяди придирчиво осматривают вагон и сбиваются в кучку на площадке у дверей – аккурат рядом со мной.

– Вечер, – задумчиво произносит один из них, самый седой и тучный, ещё раз оглядев вагон. – И лимиты не так много. Я ведь их по рожам узнаю.

Его попутчики, все как один, кивают.

– Вот ты, – обращается ко мне седой.

– Я? – уточняю на всякий случай.

– Да, ты.

– Ну?

– Вот вижу я, что ты наш, московский, парень! Так скажи ты мне, чего они сюда едут и едут, едут и едут, а?

Я вяло пожимаю плечами.

– Не знаешь? – грустно спрашивает седой. – И я не знаю... Сидели бы в своих Кислодрищенских, ан нет... Едут... И продохнуть от них скоро нельзя будет... Да-а-а... дела... – А вы, мужчины, – обращается он к своим, – знаете?

Мужчины важно покачивают головами, дескать, не знают.

– Как тебя зовут, парень? – это седовласый снова мне.

– Иван.

– Во! Настоящее, наше, имя! Так вот что я тебе скажу, Иван! Ты молодой, жизни ещё, можно сказать, не нюхал, но я тебя научу! Запомни, Ваня, гнать их надо отсюда, иначе погубят они нашу Москву... – в голосе его через край какой-то прямо таки вселенской тоски. – Попомни моё слово, погубят!

Его попутчики опять закивали.

– Ну ладно, Иван, выходить мне сейчас, – сообщает седой, почувствовав, что состав начинает сбавлять ход. – Будь здоров!

– Спасибо конечно... Но только... – я сую руку в задний карман джинсов и извлекаю оттуда паспорт.

– Чего там у тебя? – вяло интересуется седой.

– Да собственно вот... – я раскрываю паспорт на первой странице и, встав, сую его под нос седому: – Читай тут... а теперь тут... – я открываю страницу с данными о прописке. – И московской регистрации у меня нет. Это я тебе так, до кучи, рожеузнаватель...

Не знаю, что могло бы быть дальше, но поезд останавливается. Наверное, к счастью останавливается. Один из попутчиков выволакивает впавшего в ступор седого из вагона, а я, как ни в чём не бывало, плюхаюсь на сиденье. Ни злости, ни обиды, может потому, что пьян, а может, оттого, что не собираюсь я с ним, с седым этим, ничего делить: ни его Москву, ни свой Кислодрищенск.

Состав минует ещё несколько станций и, наконец, бесчужденный женский голос из динамиков объявляет «Речной вокзал». Поезд дальше не пойдёт.

...Если бы не фонари, фары и окна ларьков, на улице было бы темно, а ещё на небе были бы видны звёзды. Я вдыхаю пропитанный выхлопами автомобилей воздух и, чтобы заглушить эту вонь, выбиваю из пачки сигарету, подкуриваю. Впервые за вечер и, однозначно, зря. После первой затяжки ноги моментально делаются ватными, во рту становится сухо и противно, голова наполняется туманом, точно сигаретный дым угодил прямиком в черепную коробку, мир перед глазами начинает «плыть». Чёрт! Сколько раз зарекался курить после выпивки...

Мотаю головой, моргаю глазами, наводя резкость. Делаю резкий выдох:

– Ф-ф-у-у-х.

Вроде бы норма... Лёгким щелчком посылаю сигарету вдалёку. Разгорающимся метеором пролетев с пяток метров, она падет на асфальт, породив фонтанчик огненных брызг.

– Осторожнее! – звучит раздражённый женский голос. И у того самого места, куда только что шлёпнулась сигарета, появляется пара ног в черных лаковых туфельках.

Мой взгляд скользит по щиколоткам, достигает коленей, поднимается до середины бёдер и упирается в край юбки. Симпатичные ножки...

– Совсем сдурел?! – вопрошает всё тот же голос. – А ес-

ли бы в ноги мне попал? Ожог ведь мог быть!

Да уж, и подумать страшно! Подпортил бы такую красоту.

Мой взгляд стремительно взмывает и встречается с взглядом обладательницы едва не загубленных мной ног.

И личико тоже симпатичное... Пухленькие щёчки, чуть курносый носик, тонкие бровки. Вот только в глазках поменьше бы злости...

– Меня Иваном зовут, а вас?

Злость в глазках сменяется лёгким удивлением, а губки, вздрогнув, выдают:

– Таня.

– Очень приятно, Таня! Будем знакомы! Может быть, прогуляемся?

Спустя минут пятнадцать – двадцать неспешного хождения по тротуару мы сидим на соседней с метро автобусной остановке и мило беседуем. А ещё через пятнадцать минут я беру Татьянину ладонь в свою, легонько пожимаю и, не встретив сопротивления, произношу:

– Тань, я тут рядом живу, пойдём ко мне?

...Разгорячённые мы лежим на кровати и пытаемся перевести дух. Одной рукой я прижимаю к себе Татьяну, другой глажу её по волосам. Они шелковисто обволакивают мою ладонь, источают едва уловимый нежный аромат. Я зарываюсь в них лицом. Мне очень хочется сказать что-нибудь нежное...

– Ой, я совсем забыла! – восклицает Таня, отстраняясь. –

Мне бежать надо! – Она порывисто вскакивает с кровати, сдёргивает с меня простыню и заворачивается в неё.

– Куда ты? Ночь на дворе! Оставайся...

– Меня ждут...

Подхватив разбросанную по полу одежду и сумочку, она убегает в ванную комнату и вскоре появляется оттуда одетая и подкрашенная.

– Проводить? – интересуюсь я.

– Не надо, я сама.

– Такси вызвать?

– Мне тут недалеко... Я пешком.

– А, может, всё же останешься? – спрашиваю с надеждой.

Татьяна охватывает бесстыже обнажённого меня жадным взглядом. На её лице читается сомнение: борьба желания и необходимости. Борьба эта длится несколько секунд.

– Нет, – наконец, решительно заявляет Таня.

Закрыв за ней дверь, я вдруг ловлю себя на мысли, что мне очень хочется подойти к окну и увидеть, как Таня выйдет из подъезда, смотреть ей вслед через весь двор до самой подворотни, которая заглотит её и, наверняка, навсегда вычеркнет из моей жизни. Чудно...

К окну я не подхожу. Врубаю «комп», запускаю «The Bat». Качаю почту.

Среди прорвавшегося через чистилище «антиспамера» мусора одно единственное интересное мне послание:

«Пьете, небось?»

А вот и не угадал ты ни разу...

«Какое там... У Костика траблы образовались. Только завтра подгрёбёт. Один тут кукую. Сирота...»

Заслав это душещипательное письмишко Серёге Красинскому, с которым нам ближайшие две недели существовать борт к борту, я отправляюсь в ванную. После водных процедур забираюсь в кровать. Жаль, что Татьяна ушла, очень жаль... – с тоской думаю я. Вроде бы неплохая девчонка. Может, попробовать покараулить её у метро. Да, у метро. Метро. «Поезд дальше не идёт». Седой с его опасениями за Москву. Эти мыслеобразы обратным отсчётом событий, проматываемой назад киноплёнкой вползают в моё сознание. Забегаловка. Миша Шифман и его замогильное «Уезжаю»... Уезжает... Жаль, одним хорошим человеком в стране станет меньше. Эта мысль является мне за мгновенье до того, как я проваливаюсь в сон.

Утро будит меня привычным дребезжанием будильника. – Блин... – выдавливаю я раздосадовано, дотягиваюсь до будильника и заставляю его заткнуться.

Во рту сухо, виски и затылок легонько ломит. Вроде бы не много вчера выпил... Это всё от недосыпа, наверное. Надо попробовать вздремнуть ещё хотя бы часок. Укутавшись в простыню, я переворачиваюсь на бок, поджимаю колени к животу и собираюсь сладко уснуть. Но не тут-то было. Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Видимо, Всевышнему было угодно, чтобы голова моя разболелась сильнее прежнего. Ломота в затылке превращается в резкую пульсирующую боль. Хорошее начало отпуска, ничего не скажешь...

Издав страдальческий стон, я усаживаюсь на кровати, опускаю ступни на неуспевший прогреться пол. Приятная прохлада поднимается по ногам. Хорошо.

Из прихожей доносится звук телефонного звонка. Тяжело переставляя ноги, я отправляюсь отвечать на вызов.

– Алло?

– Иван? – вырывается из трубки старушечий голос.

– А кто же ещё? – вздыхаю я. – Здравствуйте, Евгения Тихоновна.

– Иван, я вчера заходила. Опять у тебя беспорядок! Я сколько раз говорила, что если этот бардак не прекратится, откажу тебе в квартире?

– Не помню. Много, наверное...

– Иван, это последнее предупреждение!

Да иди ты знаешь куда со своими предупреждениями?! – так и хочется мне выкрикнуть в трубку. Достала! Какого хре-

на ты вообще приходишь в моё отсутствие?

– Постараюсь исправиться.

– Ты уж постарайся... – вкрадчиво произносит хозяйка моей съёмной берлоги. – А то родственница моя на неделе спрашивала, могу ли я её пустить пожить.

– А она молодая, симпатичная? – интересуюсь я не менее вкрадчиво.

– Кто? – не врубается старушка.

– Родственница ваша. Если да, то я совсем не против.

Присылайте!

– Типун тебе на язык, похабник! – восклицает Евгения Тихоновна нарочито строго. – Всё бы вам, кобелям...

– А что? Вдруг я ей понравлюсь, так и станем вместе жить. Поженимся. И ей хорошо, и мне такие деньги платить не надо. Вы ж с родственницы деньги брать не будете?

На том конце провода повисает пауза... Я с остервенением потираю затылок. От беседы с Евгенией Тихоновной он разболелся ещё сильнее.

– В общем, я тебя предупредила, – холодно бросает Евгения Тихоновна и кладёт трубку.

Карга старая! Предупреждает она меня. Кинуть видимо решила, бабушка – божий одуванчик... Небось, жильца по-выгоднее нашла, пообещал кто-то побольше – вот и весь сказ... А то родственница, видите ли, у неё! Чёрт... Неужели придётся новую хату искать? В предошущении такой перспективы мне становится тоскливо. К этой квартире я уже

успел привыкнуть, я бы сказал, прикипеть душой. Четвёртый год живу всё-таки. Сколько всякого-разного здесь было: посиделки с друзьями, романтические свидания с девушками, бессонные ночи с ними же... Эх... Да и возня с переездом меня совсем не радует...

С больной головой и подпорченным настроением я бреду на кухню, открываю холодильник. Ага! Сейчас взбодримся!

На столе появляются початая бутылка водки, оставшаяся с недавнего празднования моего тридцатилетия, и лимон. Отрезаю кружок лимона, высыпаю на него щепотку растворимого кофе и сверху немного сахара. Готово... Теперь плеснуть водочку в рюмочку и... Звонок в дверь... Да что же это такое! Уже и выпить спокойно не дадут!

Натянув брюки, я ковыляю к двери.

– Кто там? – вопрошаю вяло. В глазок заглядывать лень. Поперекрикиваемся.

– Сто грамм! – доносится из-за двух листов стали, разделённых деревянной прослойкой.

В один момент дверь оказывается распахнутой настезь. С порога мне улыбается Костик Казаков. Он, как и прежде, высок и поджар. Смуглая физиономия хронически обветрена, тяжёлый квадратный подбородок подёрнут трёхдневной щетиной. На голове коротенький «ёжик». В общем, красавец мужчина.

– Вваливайся, гость дорогой! – приветствую я его.

– Здорово, орёл! – Костик протягивает мне ладонь. Хва-

таю её, с силой дергаю на себя, и Константин в прямом смысле вваливается в квартиру. Я придерживаю его поперёк груди, не давая упасть. – Здоров стал, чертяка... – ворчит Костя беззлобно.

– Разувайся, я на кухню. Сварганю чего-нибудь по-быстрому. Яичницу будешь?

– Да я вообще-то ел... – отвечает Костя, потеряв горбинку на носу. – А вот от чая не откажусь!

Пока Костя возится в прихожей, я зажигаю газ, ставлю на плиту чайник и сковородку. Это он сейчас говорит, что только чай, улыбаюсь мысленно, а как только почует запах съестного...

– Значит, пьёшь? – интересуется Костя, войдя в кухню. Сев на табуретку, он берёт в руку водочную бутылку и с интересом разглядывает этикетку, потом переводит взгляд на стол. – Во как! – тычет пальцем в присыпанный кофе с сахаром лимонный кружок.

– Чего там, Кость?

– Закуска «Николашка», водка, – на вытянутой руке Костик показывает мне бутылку, – «Путинка». Символично...

Пожав плечами, выливаю содержимое шести куриных яиц на сковородку, присаливаю, посыпаю специями и накрываю крышкой. Спрашиваю:

– Что тут символичного?

– Один из них уже успел плохо кончить...

– Николай?

– Не просто Николай, а Николай «Кржавый»... Тот самый, который, как говорят, любил лимончик с кофе и сахаром под коньячок...

– Слышал что-то такое, – вставляю я. – Но там вроде икра чёрная была вместо кофе с сахаром?

– Разные варианты есть... – задумывается Костик. – Так вот, о чём это я... А! Выглянет Николай в окошко, посмотрит, как казачки народец русский на Сенатской рубают, и коньячку хряп! И лимончиком его, лимончиком! Красота!

Я снимаю со сковородки крышку, поддеваю свернувшийся белок кончиком ножа – вроде бы готово.

– А чем это так запахло? – настораживается Константин.

– Яичницей.

– Давай её сюда!

Разложив яичницу по тарелкам, я подсаживаюсь к столу.

– Хлеба нет... – развожу руками.

– Обойдусь, – кивает Костик

С минуту мы молча жуём. Я параллельно оцениваю своё состояние и поглядываю на бутылку. Затылок мой всё ещё побаливает, не так сильно, как вначале, но всё же... Подлечиться или не стоит?

– Так и бросишь засыхать? – вилкой тычет Костя в лимонный кружок, точно угадав мои мысли.

– Не знаю... Не обидишься, если один выпью?

– Какие обиды? Тем более, я за рулём.

Я наливаю себе водки, киваю Костику «твое здоровье»,

залпом выпиваю и закусываю лимоном.

– Вот так оно было, так и будет, – задумчиво произносит Константин. – Человек русский всё проглотит и переварит... Даже булыжник, если тот ляжет ему поперёк дороги...

Лимон с сахаром и кофе образуют у меня во рту кисло-горько-сладкий коктейль вкусов. От водки по телу разливается благодатное тепло. От желудка оно поднимается к груди и выше – до головы, изгоняя остатки боли.

– Ладно, нечего засиживаться! По коням! – командует Костя, отодвинув тарелку. – А то нам ещё через весь город тащиться.

– Это почему? – настораживаюсь я.

– Пробки, – морщится Константин, – я машину оставил рядом с «Дмитрия Донского». Там на въезде такой трюмб образовался... Пришлось бросить машину и на метро к тебе – поясняет Константин. – А иначе бы и к обеду не успел.

Ну что ж, на метро так на метро. Хотя перспектива такая меня абсолютно не радует. Метро это уже изрядно достало. Рано утром и поздно вечером – ещё туда-сюда, а вот в часы пик... Толкотня, штурмовка вагонов... Бр-р-р... Но куда деваться?

Сейчас, судя по происходящему у входа на станцию «Речной вокзал», как раз кончается час-пик. Впрочем, вернее

сказать – временной период-пик. Угадать его продолжительность в данный конкретный день практически невозможно. Может, действительно час, а может и два, и больше.

Мы вклиниваемся в людской поток, он подхватывает нас, проносит через турникеты и втаскивает напрямик в распахнутые двери вагона.

– Посадка закончена! – надрывно звучит из динамиков.

Люди продолжают втискиваться в вагон.

– Не мешайте отправлению поезда!

Меня всё сильнее вдавливают в стену, к которой я прислонился в надежде облегчить себе продолжительное стояние.

– Я сказал, закончена посадка! Отпустите двери! – срывается на хрип, вопит машинист.

Давление на меня стабилизируется. С тихим визгом двери захлопываются, и состав, тяжело вздрогнув, устремляется в туннель. Едва придя в себя после трамбовки, я мгновенно окунаюсь в ужасную, как в парной, духоту и какофонию запахов: пот, духи, кожа ботинок, чьё-то несвежее дыхание. И движение, перетекающее от одного конца вагона к другому. Здесь кто-то переступил с ноги на ногу, чуть дальше кто-то покачнулся, кто-то задел кого-то локтем – всё вокруг колышется из стороны в сторону и вверх-вниз. И звуки: женские, мужские, подростковые голоса прорываются сквозь грохот состава, трезвон чьего-то мобильного. Рядом со мной средних лет мужчина, балансируя на растяжке правая нога – левая рука, уставился в зажатую в правой ладони книж-

ку. От нечего делать я пытаюсь вчитываться в текст – ровно до того момента, пока изо рта мужчины не вырывается сдавленных чих. Ничем не прикрытый, разлетается миллионом капелек, задевая моё лицо. Брезгливо морщусь, отворачиваюсь и закрываю глаза. Трясусь в темноте, среди запахов, движения и шума. «Станция Тверская» – звучит, как избавление.

Я отделяюсь от стены и опять отдаюсь на волю людского потока. Он выплёвывает меня на перрон, а затем снова подхватывает и увлекает напрямиком к эскалатору. Мерно гудящая и изредка чем-то поскрипывающая машина неспешно опускает меня вниз – хоть какая-то передышка среди толкотни. И опять голоса и запахи, и даже здесь непрерывное движение: оглядываются, поправляют сумки, переминаются стоящие справа; слева, стуча каблуками, проскакивают самые торопящиеся. Стриженный затылок Костика маячит неподалёку – внизу, в пяти головах от меня. На сходе с последней ступеньки, за секунду до очередного включения во всеобщее безостановочное движение, передо мной, на уровне живота, вдруг возникает скрюченная морщинистая ладошка с пригоршней монеток.

– Сынок... хлебушек... – доносится до меня.

Тут кто-то толкает меня в левый бок, отчего я подаюсь вправо и получаю лёгкий, почти невесомый, тычок справа под рёбра. Даже не в меня ткнули, а я сам сшиб что-то. До ушей долетает звонкий стук меди о каменный пол.

А меня уже подхватила неудержимая сила и понесла. Всё что я успеваю – бросить короткий взгляд туда, откуда прозвучало «хлебушек». В темном углу у эскалатора глаза выхватывают сгорбленную седовласую фигурку в потрёпанной серой кофточке и юбке до пола. А там, на полу, редкой россыпью тускло поблескивают кругляши медяков...

Чёрт! Как нехорошо получилось...

Чёрт, черт, черт!!! – метрономом стучит в моём мозгу до самой станции имени «Дмитрия Донского».

... -Вань, ты чего такой хмурый, – настороженно спрашивает Костя, когда мы выходим из метро.

– Да так... Бабулю задел... в толчее этой сраной! Нехорошо получилось.

– Сильно задел что ли?

– Нет вроде.

– Ну, что поделаешь... Бывает...

Действительно бывает. И бывает хуже. Но почему так гадко на душе?

Разгадкой этого вопроса я занимаюсь всё то время, пока Костя ведёт меня к брошенной, как он выразился, неподалёку машине. На самом деле «неподалёку» обернулось пятьюдесятью минутами быстрого хода: сначала вдоль городской дороги, потом дворами, а затем вдоль трассы. В итоге: Москва позади, потрёпанный временем и пробками Костиков «Форд» по левую руку, а впереди... Впереди – свобода! Целый месяц свободы от пробок, метро, каждодневных обя-

занностей по работе!

– Залезай! Погнали! – командует Костя. И зачем-то тихо добавляет: – Наши городских...

Рванув с места, Константин уводит машину в крайний левый ряд. Вальяжно откинувшись на спинку сиденья, тремя пальцами левой руки принимается подкручивать руль, правую держит на рычаге переключения скоростей. Вообще, ездить с Костиком страшно. Он лихач, и хоть старается правил не нарушать, по крайней мере, специально, но его обгоны почти из-под самой задницы длиннющих фур и гружёных плитами тягачей, с выездом лоб в лоб на встречу – это... Я даже не знаю, как это назвать. Пока ему везёт. Ему и его пассажирам, но есть у меня предчувствие, что когда-нибудь всё это плохо кончится... Скосив глаза, я бросаю взгляд на спидометр и вздрагиваю. Стрелка неумолимо ползёт к последнему делению на шкале – 220 км/ч. Сейчас уже 145.

– Может, притормозишь? Ограничения, ГАИ и всё такое...

– Блин, – мотает головой Константин. – Задумался.

Он плавно жмёт на педаль тормоза. Стрелка отползает назад и замирает на отметке 115. Позади нас сразу же раздаётся раздражённый гудок.

– Проезжай, – бурчит Костя, уступая дорогу.

Обдав нас волной выхлопов и разогретого воздуха, чёрный и сверх всяких норм и правил тонированный «Нисан Мурано» стрелой уносится вдаль.

– Ездят же... – вслед ему цедит Костик, поморщившись. –
И ни ограничений им, ни ГАИ...
– Да ладно тебе. Когда-нибудь попадёт.
– На законопослушного гаишника? – улыбается Костя.
– Ну, а почему бы и нет?
– Блажен, кто верует, Вань.
– И откуда в тебе столько пессимизма, Константин?
– От жизни Иван, от жизни... – вздыхает Костя. Он протягивает руку к автомагнитоле, нажимает на «Оп», и из колонок вырывается голос кумира конца 80-х, начала 90-х:

«Мы хотим видеть дальше,

Чем окна дома напротив.

Мы хотим жить,

Мы живучи, как кошки.

И вот мы пришли заявить о своих правах. Да!

Слышишь шелест плащей?

Это мы.»

Голос Цоя, его манера исполнения завораживают. В такт музыке я принимаюсь кивать головой, а Костя – постукивать ладонью по рычагу переключения скоростей. Губы его приходят в движение, повторяя за певцом:

*«Дальше действовать будем Мы,
Дальше действовать будем Мы,*

*Дальше действовать будем Мы,
Дальше действовать будем Мы...»*

Меня тоже пробирает, и я подхватываю шепотом:
«Мы родились в тесных квартирах

Новых районов.

Мы потеряли невинность в боях за любовь.

Нам уже стали тесны одежды,

Сшитые вами для нас одежды.

И вот мы пришли сказать вам о том,

Что дальше...

действовать будем Мы,

*Дальше действовать будем Мы,
Дальше действовать будем Мы,
Дальше действовать будем Мы...»*

– Интересно, кто они, эти «Мы»? – спрашиваю я, когда на смену Цюю приходит какая-то певичка-однодневка то ли с какой-то фабрики, то ли из какого-то колхоза.

Несколько секунд Костя меряет меня взглядом, потом переводит его на дорогу и произносит тихо и крайне серьёзно:

– В последнее время только и делаю, что пытаюсь это понять.

– Успехи есть? – интересуюсь я.

Хоть и принято считать, что молчание – знак согласия и эквивалент «да», но в ответ на мой вопрос Костик молчит так, что трудно не догадаться – успехов нет.

– Ну что ж, отсутствие результата – тоже результат, – пытаюсь я приободрить друга.

– Да уж... – цедит он.

– Означает, что либо не в том направлении ищешь, – продолжаю я, – либо не те средства используешь для поиска.

– Умник! – огрызается Константин. – В кого ни плюнь – одни умники вокруг, а живём как...

– Как?

– Об косяк! – обрубает Костя.

– Кость, что на тебя нашло?

– Ничего, извини...

Костик достаёт «беломорину», прикуривает, выпускает из ноздрей струйки сизого едкого дыма.

– Ты всё эту отраву куришь? – морщусь я, картинными взмахами ладони разгоняя дым.

– А ты всё своё сено? – парирует Костя. Это он так называет все сигареты с фильтром.

– Зато вреда меньше.

– Ну-ну, блажен, кто верует... Во, гляди! – тычет Костик зажатой в пальцах папиросой у меня перед носом. Я смотрю в указанном направлении. Там у обочины стоит чёрный «Нисан Мурано», рядом с ним – коренастый широкоплечий парень в джинсах и майке, очевидно владелец, а к нему враз-

валочку шествует тучный гаишник с переносным радаром.

– Я же говорил, что попадёт! – восклицаю я. – Сейчас и за превышение, и за тонировку ему вставят.

– Ага. Интересно, на какой сумме разойдутся...

– Кто про что... – вздыхаю я. – Неужели ты действительно думаешь, что все они берут?

– Ты поговорку слышал: нет неберущих гаишников, есть плохо дающие водители. Думаешь, она просто так появилась?

– Просто так, конечно, только кошки родятся... – гудок автомобильного клаксона не даёт мне закончить.

– Задолбал! – рыкает Костя, глянув в зеркало заднего вида.

Я оборачиваюсь – у нас на хвосте маячит чёрный и сверх всяких норм и правил тонированный «Нисан Мурано»...

– Ну что? – грустно улыбается Константин. Думаешь, протокол ему выписали, да? За две минуты? У них, в ГАИ, новая услуга – экспресс составление протокола? А может, – оплата штрафа на месте?

– Ну ладно, уел, – сдаюсь я. – Но есть и другая поговорка: в семье не без урода...

– Если бы он один был, урод этот...

Висящий на хвосте «Мурано» продолжает истошно реветь клаксонам.

– Да заткнись ты! – гаркает Костя, высунувшись в окно.

– Пропусти его, Кость, а то оглохнем ещё – вон как над-

рывается.

– Ладно, вали... – шепчет Костик, уступая дорогу.

«Мурано» проскакивает вперёд и, вдруг, происходит что-то странное: он виляет вправо, и в одно мгновение его стоп-сигналы, горящие ярко-красным, оказываются перед нами. Визг тормозов, занос, меня кидает вперёд, я не влепляюсь головой в лобовое стекло только потому, что успеваю упереться руками в пластик приборной панели. В салоне устанавливается мертвая тишина. И в этой тишине побелевший как труп Костик лихорадочно крутит баранку из стороны в сторону, стараясь стабилизировать машину и не врезаться в несущиеся мимо нас автомобили. Стиснув зубы, вцепившись руками в кресло и упершись ногами в пол, я мысленно молю Бога о спасении...

Наверное, Он меня услышал. Ещё раз ударив по тормозам, Костик останавливает машину на обочине. Глаза его как два советских пятака, пот струится по лицу, а руки до белизны в костяшках сжимают руль.

– Падла... – шепчет он.

Ни слова больше не говоря, с дикой пробуксовкой Костик срывает машину с места.

– Ты куда? – произношу я пересохшими губами.

– Порву сучару... – шипит Костя.

– Кость, остановись!

– Не лезь, – отмахивается Константин. Вытянув шею, нависнув грудью над рулём, он пожирает дорогу взглядом.

Лавируя между попутными автомобилями, Костя остервенело давит на акселератор. 100, 150, 200 км/ч. Вслед нам гудят, от нас шарахаются и, наверняка, кроют самым «изысканным» матом. Костик «кладёт» стрелку спидометра.

– Кость! – выкрикиваю я.

– Отвянь!

Наконец, зад «Мурано» появляется на горизонте. Константин издаёт нечеловеческий рык и каким-то чудом выжимает из своей развалины ещё несколько километров в час. Поравнявшись с обидчиком, начинает оттеснять его к обочине, грозя ударить бортом в борт. Парень за рулём «Мурано» машет нам кулаком, на среднем пальце которого отблескивает жёлтым «печатка», остервенело матерится в открытое окно – всё без толку. Костик неумолим и... он в отличие от хозяина «Мурано» не боится за свою машину – царапиной больше, царапиной меньше...

– Кость, может не надо... – произношу я просительно, но куда там...

...Выдавив «Мурано» на обочину, мы проезжаем ещё метров тридцать и останавливаемся. Я внутренне подбираюсь, готовясь не допустить потасовки, дух которой навис над дорогой, а Костя тем временем вместо того, чтобы идти разбираться с обидчиком, откидывается на спинку сиденья и закуривает.

– Ну и? – вопрошаю я удивлённо.

– Посмотрим, как будут развиваться события, – отвечает

Костя, вдохнув порцию табачного дыма.

События не заставляют себя ждать. В боковое зеркало мне хорошо видно, как из «Мурано» выбирается водитель и бежит к нам. От его манеры бежать – тяжеловатой, я бы сказал, медвежьей, – веет мощью. Подскочив к водительской двери «Форда», он распахивает её, хватая Костика за грудки и швыряет на землю.

Медленно, словно нехотя, Костик поднимается. На широко расставленных ногах встаёт во весь рост, и я с содроганием отмечаю, что на фоне своего противника он выглядит, мягко говоря, щупловато. Студент-доходяга Шурик против рецидивиста «Бывалого», порядком поднакачавшегося, к слову сказать... От нехорошего предчувствия у меня начинает ныть чёлость и посасывать под ложечкой. Кто-то кому-то сейчас навешает... С этой мыслью я выбираюсь из машины, но подоспеть на помощь Константину не успеваю. Да и моя помощь оказалась бы лишней. Два следующих друг за другом выпада противника Костя парирует лёгкими округлыми взмахами рук. Потом делает какое-то хитрое, едва уловимое глазом движение всем корпусом с уходом с линии атаки, и схватка совершенно непонятным мне образом переносится в партер: одной рукой заломив противнику руку, Костя осёдлывает его, пальцами другой поддевает его за ноздри и дергает на себя. Голова поверженного соперника с хрустом запрокидывается назад, он пытается что-то сказать, но у него не получается выговорить ни слова – вместо

слов мычание и хрип.

– Кость, шею ему не сверни! – предупреждаю я, не на шутку разволновавшись за здоровье распластанного на земле, стучащего по ней ногами и свободной рукой, парня.

В ответ Костик презрительно сплёвывает в сторону.

– Да отпусти ты его!

Константин с совершенно беспристрастным выражением лица – ни злости, ни наслаждения от доставляемых проигравшему противнику мучений – продолжает тянуть его голову на себя. Лицо парня начинает синеть, на шее острым углом выступает кадык. Он лихорадочно пульсирует, грозя прорвать натянувшуюся до предела кожу.

– Отпусти! – гаркаю я, подскочив к Косте, и несильно, только чтобы вернуть во вменяемое состояние, бью ему коленом под рёбра. – Убьешь ведь, придурок!

Не ослабляя хватки, Костик обалдело смотрит на меня.

– Ты чего, Вань?

– Отпусти, говорю! Убьешь его, что потом делать будем?

До Костика, кажется, начинает доходить. Секунд пять он раздумывает, а потом осторожно опускает голову парня на землю.

– Жив? – осведомляется, потрепав по затылку.

В ответ стон.

– Ну и хорошо... – выдыхает Константин.

Он встаёт, отряхивает пыль с одежды.

– Поехали что ли? – спрашивает, как ни в чём не бывало.

– А этого, – я киваю на корчащегося на земле и тихонько постанывающего обладателя «Мурано», – так и бросим валяться?

– А что с ним церемониться?

– Блин, Кость, смотри, как ему хреново... Сдохнет ещё...

– Да ладно тебе, дождёшься от него, бугая... – с отвращением произносит Костя, но всё же склоняется над парнем. – Эй, ты особо не разлёживайся, земля холодная, простудишься ещё...

– Пошёл ты... – хрипло звучит в ответ. – Тебе конец, понял? Я тебя урою, сука...

– Он ещё и грубит! – лицо Костика искривляется в ехидной ухмылке. – Щас я ему добавлю...

– Кость, – я хватаю его за плечо. – Не лезь к нему. Поехали.

– Нет, погоди! – отмахивается Костя и принимается бесцеремонно обыскивать вяло сопротивляющегося парня. – Должен же я узнать, кто меня урять собирается... – Вскоре в его руках оказываются красные «корочки». – Ты гляди, Государственная Дума! – восклицает Константин. Игорь Сергеевич, значит... помощник депутата по работе в Государственной Думе... – зачитывает он. – Партия власти, вашу мать... – цедит с неподдельной злобой. – Что же это за власть такая, а?

...Потрёпанный Игорь Сергеевич остался позади. Насупившийся Костик крутит баранку и беззвучно шевелит губа-

ми, ведя какой-то внутренний монолог, я таращусь на проносящийся мимо пейзаж. В салоне висит гнетущая неловкая тишина. Недавний запал прошёл, на смену ему пришла какая-то опустошенность с легкой примесью стыда. Зачём всё это случилось, почему? Кому это было надо – мне, Косте, помощнику тому депутатскому? Неужели не могло быть иначе, неужели всё было так, как должно было быть? Неужели трое взрослых людей не могли разойтись-разъехаться миром – один не подрезать, другой не избивать, третий при всём этом не присутствовать?

– Нет, ну что за люди такие?! – нарушает молчание Костя. – Сколько ему лет?

– Физиономия молодая, – припоминаю я. – Лет двадцать семь, двадцать восемь...

– А тебе сколько, Вань?

– Тридцать.

– А «Нисан Мурано» у тебя есть?

– Нет.

– Почему?

Пожимаю плечами, отвечаю неуверенно:

– Не заработал, наверное...

– Не заработал! – восклицает Костя.

– Ну да...

– А он, значит, заработал... Новый русский мальчик...

– Выходит, что заработал.

– Вань?! – выдыхает Костик. С болезненной насторожен-

ностью смотрит на меня. – Да у трех четвертей этой новой русской молодёжи папы – старые евреи в прямом и переносном смысле. На заре туманной перестройки сколотили капиталец, устроили бизнес, обзавелись банками, заводиками, яхтами, машинками. Как они это сделали – какими правдами и неправдами... разговор сейчас не о том... – Костик на какое-то время умолкает, закуривает. – Нет, я не против, чтобы родители помогали детям, – продолжает, затянувшись, – давали им по максимуму. Коробит другое. Ведь в своё время мне тыкали пальцем на таких мальчиков, а сейчас продолжают тыкать другим: вот смотри, он год, как окончил институт, а уже ездит на «Лексусе» и живёт в пятикомнатной квартире на Арбате. А ты, здоровенный лоб, до сих пор ни хрена не имеешь. Так почему ж ты сидишь, чего ждёшь? Вот он смог, он ДОБИЛСЯ! Так и ты иди, вкалывай с утра до утра, и у тебя всё будет, как у него! И я покупался... Понимаешь? И шёл, и вкалывал... И когда, наконец, скрипя зубами, наскребал на вшивый, нет не «Лексус», а «Фольксваген», на котором уже лет десять отъездил какой-нибудь жирный бургер, вдруг узнавал, что папа того владельца «Лексуса» – коммерческий директор банка или хозяин какого-нибудь заводика... Ну ёлки-палки... Неужели опять накололи?! – с болезненной ухмылкой на лице восклицает Костик. – Выходит, это они так меня «стимулировали» вкалывать на очередного чужого дядю – папу того самого мальчика... А тот мальчик в это время менял «Лексус» на «Майбах», квартиру на «Ар-

бате» на виллу на Канарах. За чей счёт, а?

– Кость, но ты же заработал машину, да и квартирой обзавёлся в Подмосковье. Разве плохо?

– А ты знаешь, сколько на это ушло нервов и здоровья? И сколько здоровья тратят те мальчишки? Считаешь, величины сопоставимые? Уж хотя бы не обманывали... Сказали бы честно: сколь ни впахивай, а ни хера у тебя не будет!

– Наивный, так тебе и скажут... А кто ж тогда работать будет? Без чувства перспективы, без стимула, пусть даже ложного...

– Стимуляторы, мать их так! Я бы таких... – договорить ему не даёт гулкий раскат грома.

Я высовываю голову на улицу и вижу, как небо в спешном порядке заволакивают жирные грязно-серые низкие облака. Только что был белый день, и вот уже вечерние сумерки.

– Погода портится, – произносит Костя озабоченно. – Как бы не вышло, как в прошлый раз, – ежится он.

Прошлый раз был год назад, когда в разгар лета установилась по-настоящему осенняя промозглая погода. Ненастье застало нас в середине маршрута. Пять дней мы, замерзшие, полуголодные и злые под проливным дождём сплавлялись по реке – с утра до темна остервенело, до исступления ма-ша веслами, чтобы хоть как-то согреться, а вечером, у предательски не желающего разгораться костра, до зелёных чёртей глуша разведённый спирт, чтобы потом хоть как-то забыться в промёрзшей отсыревшей палатке. Тот ещё отпуск

получился... Б-р-р-р... – содрогаюсь я мысленно.

– Может, обойдётся? – спрашиваю с надеждой.

– Всё может быть... – философски изрекает Костя, и по лобовому стеклу и капоту ударяют первые крупные капли дождя. С каждой секундой он набирает силу. Ливень. Если бы не «дворники», елозящие по стеклу, потоки воды сделали бы его абсолютно непрозрачным. Вода и сверху, и снизу: хлещет с небес, струится по полотну дороги и по обочине – пенится и пузырится, словно, кто-то опрокинул цистерны с мыльным раствором.

– А дождик-то затяжной, – констатирует Костя.

– Угу, – бурчу я.

– Хотя, говорят, что сильный дождь долго идти не может... – рассуждает он.

– Угу, – что я ещё могу сказать?

Движение на дороге замедляется, поток машин становится всё плотнее – явный признак зарождения автомобильной пробки.

– Всё, приехали, – говорит Костик минут через пять, бросает руль и лезет в карман за беломориной.

– Интересно, что там случилось? – спрашиваю я, честно говоря, без особого интереса – просто, чтобы что-то сказать.

– Сходи, посмотри, – ехидно ухмыляется Костя.

– Нашел дурака! В такую погоду и собаку на улицу не выгонят...

Костик приспускает стекло, и в салон врывается смрад,

испускаемый сотнями работающих двигателей. Константин морщится, выдувает на улицу струйку табачного дыма, вздохнув, восстанавливает герметичность салона. С минуту крутит смердящую крепчайшим табаком папиросу в пальцах, наконец, поймав мой страдальческий взгляд, тушит в пепельнице. Заглянув в зеркало заднего вида, восклицает:

– А я думаю, чего это там болит! Гляди!

Он поворачивается ко мне левой щекой и тычет пальцем в скулу – на ней красуется небольшая, сантиметра полтора, ссадина.

– Задел он тебя всё же... – произношу я, покачав головой.

– Да уж... «Печаткой», видимо...

Автомобили перед нами снимаются с места, проезжают метров десять и останавливаются. Мы нагоняем их. Потом опять стоим, потом снова продвигаемся на чуть-чуть и снова встаём, так повторяется несколько раз, пока, наконец, не начинаем двигаться хоть и медленно, но зато уже без остановок. И вот перед нами игольное ушко пробки – длиннющая фура, завалившись на бок, перекрыла сразу две полосы.

– Докатался, – морщится Костя. – Хорошо, хоть никого не придавил.

Обогнув фуру, мы выскакиваем на свободную дорогу. Краем глаза я отмечаю рядом с примостившейся на обочине кабиной фуры сиротливую мужскую фигурку в спортивном костюме, переминающуюся с ноги на ногу под проливным дождём. А над ней огромный, в полнеба, плакат: «План Пу-

тина – победа России». Всегда, когда вижу такие, задумываюсь – что за план такой?

– Что за план? – спрашиваю сам себя вслух.

– А? – откликается Костя. – Какой план?

– Ну, пишут же: «План Путина – победа России». Что за план? Где он опубликован? Где с ним ознакомиться можно? Агитируют: голосуй за план Путина! А как я за него голосовать буду, если ни разу не видел? Покажите мне его, разложите по пунктам, обоснуйте каждый, скажите: это реализуется так, это так, а средства мы возьмём отсюда и отсюда. Убедите меня! А так... – вяло машу я рукой. – За что я голосовать должен, за кота в мешке?

– Ха! – усмехается Костя. – Если бы за кота! Сдаётся мне, там зверь поопаснее... Сидит в том мешке не кот, а медведь, который очень любит мёд. А знаешь, где он его берёт? У пчёл отнимает. Читал, небось, или по «ящичку» смотрел, как он это делает? Из одного улья выгреб, взялся за второй, потом за третий и так далее, пока все не разорит.

– Интересно излагаешь... – киваю я. – И читал я и по «ящичку» смотрел. Там, кстати, показывали, что пчёлы, если объединятся, могут медведя от ульев отогнать.

– Очень хочется в это верить... – вздыхает Костя. – И в то, что объединятся, и в то, что отгонят...

– Медведю ведь тоже не в радость, когда его кусают, – добавляю я.

– В общем, конечно, да... – соглашается Константин,

но тут же добавляет: – Только, есть один нюанс, Вань: пчела после укуса умирает... Так что лучше не выпускать того медведя из мешка. Пусть пчёлы живыми останутся и в неразборённых ульях... Пусть мёд для себя собирают, а не для хлявщика-мишки.

– Кто бы спорил...

– А ещё, если задуматься, знаешь, что в том лозунге, – оттопыренным большим пальцем правой руки Костик указывает за плечо, как бы отсылая к оставшемуся позади плакату, – меня настораживает?

– Что?

– Победа России над кем?.. Ты как считаешь, Иван?

– Не знаю... – пожимаю я плечами. – Там об этом ни слова. А ты, как думаешь?

– Сдаётся мне, что над нами, – бурчит Костя.

– Думаешь?!

– Угу... – мычит он. – Хотя, вернее будет сказать, чувствую... – добавляет, потеряв разодранную скулу. – Вань, не в службу, а в дружбу, там, сзади, минералка...

Достав с заднего сиденья «Демидовскую», я свинчиваю с неё крышку.

– Держи.

Костик жадно припадает к бутылочному горлышку, делает пару крупных глотков, и тут машину подбрасывает на ухабе. Рука, держащая бутылку, вздрагивает, Костя судорожно сглатывает, закашливается. Машину кидает ещё раз. Минер-

ралка проливается Костику на лицо и на грудь.

– Чёрт! – выкрикивает он. – Забери, – протягивает мне бутылку.

После пары сильных ударов машина принимается часто подрагивать, попадая колёсами в мелкие выбоины на дорожном полотне.

– Да, здесь особо не погоняешь, – усмехаюсь я. – Вывеску видел?

– Какую?

– Область московская кончилась. Так что сбавь ход, если не хочешь колымагу свою по винтику растрясти.

– Куда это мы приехали? – спрашивает Костя после въезда в город.

– Это мой родной город, Кость, – сообщаю я.

– Уверен?

– Абсолютно.

– А такое ощущение, что в Москву попали... Двести вёрст отмахали, область вроде другая должна быть, а номера московские, – он указывает на едущую навстречу машину. – А вон ещё одна стоит и ещё, блин, а там ещё одна...

– Не считай, всё равно собьёшься, – усмехаюсь я. – Их тут, как собак нерезаных, особенно летом.

– А-а-а, понял! На отдых тянутся. Природа, кислород...

– Угадал. Добавь ещё к этому реку.

– Красота... – потягивается Костик, поджимая плечи к самым ушам.

– И жильё дешёвое...

– Действительно дешёвое? – настораживается Константин. – И почём метр?

– Было когда-то дешёвым... А как эти, – киваю на очередную машину из региона под номером 177, – появились, так цены и скакнули. Для них ведь 10 штук зелёных – не деньги, и 20 – не деньги, и 30 – тоже не деньги, и 40, и 50. Скупают всё по той цене, которую им назначат. Не задумываясь. Покупают квартирки и домики, чтобы тещу с детьми на лето сплавить. Действительно красота! Спровадил и отдыхай. Только кому красота, а кому – хоть караул кричи. Для местных-то жильё по той же цене стало, что и для москвичей. А где местному такие деньги достать? Были бы цены разумные, можно было бы кредит взять, постепенно расплатиться. Сейчас это не реально. Цены на жильё стремительно приближаются к московским, а доходы как-то не спешат... Вот и мыкаются молодые по съёмным квартирам или ютятся с предками «большой и дружной семьёй» – ждут, пока бабушка с дедушкой или родители ласты склеят – жилплощадь освободят.

– Понятно, – хмурится Костя.

– Или едут в Москву, чтобы деньги на жильё в своём городе заработать. А там им: «Понаехали!». От счастливой жизни

ни, что ли, понаехали?

– Д-а-а... Паноптикум... – Костик сочувственно смотрит на меня.

– Да ладно тебе, я не жалуясь... – успеваю отмахнуться я, прежде чем замечаю прямо по ходу глубокую выбоину в асфальте, заполненную до краёв грязной дождевой водой. – На дорогу смотри!

Обогнуть выбоину Костя не успевает. Колесо попадает прямо в неё. Матерясь и строя страшные рожи, Костик давит на газ, заставляя машину выбраться из капкана. Ей это удаётся не сразу. Рядом с нами останавливается пара автомобилей, их водители сочувственно смотрят на манипуляции Константина. Он раскачивает машину взад-вперёд. Под нажимом вращающегося колеса края выбоины крошатся, словно их обрабатывают «болгаркой». Асфальтовая крошка разлетается во все стороны. Наконец, раздаётся леденящий душу металлический скрежет и наш несчастный «Форд» вырывается из дорожного плена.

– Твою дивизию... – выдыхает Костя.

Обречённо-медленно он выбирается из машины, заглядывает под неё, исчезая из поля моего зрения. Через несколько секунд появляется заметно повеселевший.

– Обошлось! – сообщает, смахивая с коленей и локтей комочки грязи. – Теперь верю, что не в Москве... – добавляет, садясь за руль. – И как вы здесь ездите?

– Наши водители географию городских ям наизусть зна-

ют. Кстати, нам ещё повезло. Гляди, – я указываю на чёрные пятна, выделяющиеся на общем фоне дороги, – кое-какие ямки замазали. Может, и другие замажут.

– Замажут, – соглашается Костя. – Будь уверен. У них же скоро выборы! Те самые дороги, той самой России...

– Замажут, – вторю я. – До весны продержится, и опять яма на яме.

– В самый раз, выборы как раз пройдут и жди следующих. Ладно, куда дальше рулить?

– Прямо, потом по кольцу на мост. За мостом я тебе магазин покажу, притормозишь, затаримся, чтобы потом не мотаться.

...В магазине мы набираем крупу, макароны, тушенку, хлеб, сухари, соль перец и сахар. Набиваем ими тележку на колёсиках и катим к кассе. Там застаём очередь в три человека: мужчина лет около пятидесяти, молодой парень и женщина бальзаковского возраста. Мы пристраиваемся к хвосту очереди и терпеливо ожидаем, пока кассирша всех рассчитает. Мужчина выставляет на ленту транспортёра поллитровку водки, парень – полторашку пива. Они проходят через кассу быстро. Женщина извлекает из пластмассовой корзинки бутылку растительного масла, коробку с куриными яйцами, кусочек сыра, треть палки колбасы и две тушки камбалы в целлофановой упаковке.

– Триста двадцать рублей, – объявляет кассирша, проворно отщелкав пальцами по кнопкам кассового аппарата.

Это объявление вызывает смятение на лице женщины.

– Сколько? – переспрашивает она растерянно.

– Триста двадцать, – повторяет кассирша – убелённая сединами тучная дама.

– Но четыре дня назад было двести сорок... – произносит женщина, взглянув на меня, как бы в поисках поддержки. Я отвожу глаза.

– Теперь триста двадцать, – твердо произносит кассирша.

Женщина безропотно отсчитывает купюры, складывает продукты в пакет и направляется к выходу.

– Молчите? – зло спрашивает кассирша, смерив взглядом нас с Костей. – Молчите... Значит нравится... Значит и дальше дорожать будет... и дальше над нами будут издеваться...

– А вы бы, мать, не продавали по этим ценам, – предлагает Костя, хитро прищурившись. – Отказались бы.

– А, может лучше, что бы ты, сынок, не покупал, а? – серьёзно спрашивает кассирша. – Ты не купишь, он не купит, – кивает на меня, – она откажется, – машет рукой в сторону двери, из которой только что вышла покупательница, – другие поддержат, может, они и одумаются?

– Всё ли так просто, мать? – грустно спрашивает Костя.

– А всё ли так сложно, сынок? – отвечает кассирша вопросом и сама же на него отвечает: – Не знаю... Ну, да ладно, давай, выкладывай, что там у тебя... – добавляет по-старчески ворчливо. – Всё? – спрашивает, когда мы вываливаем

перед ней гору пакетов и жестяных банок.

– Может, водки возьмём, Вань? – интересуется Костя. – Посидим...

– Можно, – одобряю я. – Я схожу...

– Бери пару, чтобы потом не бегать.

– Во-во... – бурчит кассирша. – Напиться и забыться...

– Какая ты едкая, мать... – качает головой Костик.

– Я ли, сынок? Может, жизнь такая... – хмурится кассирша.

... – А погода-то налаживается, – отмечает Костя на выходе из магазина. Она действительно налаживается: дождь кончился, в воздухе пахнет озоном, а в прорехи посветлевших облаков проглядывает солнышко. Это вселяет определённые надежды.

Закинув продукты в салон автомобиля, катим дальше.

– Здесь налево, – сообщаю я, – Притормози там, – указываю на площадку рядом с магазинчиком под вывеской «Рыболов». – Хочу катушку прикупить, а то моя барахлить начала. Боюсь, сломается скоро.

Как только вошли в «Рыболов», глаза мои сразу же разбежались от обилия всяких прибамбасов на витринах. Хочется и то, и это, и другое, короче, всё сразу. Трясу головой, сосредотачиваюсь и направляюсь к прилавку.

– Здравствуйте, – приветствую продавщицу – неопределённых лет полноватую женщину.

Она заменяет ответное приветствие кивком.

– Покажите мне, пожалуйста, вон ту катушку, – пальцем указываю на желаемое.

– Продавщица снимает её с витрины, передаёт мне.

Проверив работу агрегата, нахожу его вполне удовлетворительным и заявляю:

– Беру!

Расплатившись за покупку, выходим на улицу.

В машине Костя просит:

– Дай поглядеть.

Заполучив катушку в руки, внимательно разглядывает её. Налюбовавшись, подносит к уху и принимается крутить ручку. Отмечает:

– Ход нормальный.

Откидывает дужку лескоукладчика, проворачивает ручку и... из чрева катушки вырывается противный скрежет.

– Чёрт! – вздрагивает Константин.

– Дай сюда! – требую я.

Что ни пытаюсь я сделать, ничего не выходит. Катушку заклинило намертво. Ручка не проворачивается, дужка лескоукладчика не встаёт на место.

– Ну, ё-ж-моё... – цежу обречённо. – Заклинило...

– Я не специально, – оправдывается Костя.

– Да ты тут при чём? Видимо брак заводской. Пошли!

Выскочив из машины, я возвращаюсь в «Рыболов». Костик с видом нашкодившего дошколёнка следует за мной.

– Проблемы с вашей катушкой, – говорю продавщице.

– Ну, положим, уже не с нашей, а с вашей, – произносит она беспристрастно.

– Вот посмотрите, – я демонстрирую и на словах объясняю ей суть проблемы.

– И чего вы от меня хотите? – интересуется она.

– Хочу, чтобы вы её заменили, вот чек.

– Данный товар обмену не подлежит, – говорит продавщица всё так же беспристрастно.

– То есть как?

– А вот так, – звучит мне в ответ.

– Подождите! – вступает Константин. – Разве по закону вы не должны заменить некачественный товар? Тем более, что мы всего пятнадцать минут назад его приобрели!

– Ничего такого не знаю, – пожимает плечами продавщица.

Лицо Костика краснеет, как помидор, скулы вздуваются.

– Зато я знаю! – рявкает он. – Вы обязаны заменить!

– Ну, давайте посмотрю, что там у вас, – продавщица по-прежнему невозмутима. И эта невозмутимость, я бы сказал, непрошибаемость, не только удивляет, но и пугает. Чувствуется в ней уверенность: всё равно ничего вы от меня не добьетесь, хоть плачьте, хоть кричите, да хоть загавкайте.

Она берет катушку, рассматривая, крутит в руках. Попытавшись повернуть ручку, выносит вердикт:

– Вы нарушили правила эксплуатации!

Он вводит меня в ступор.

– Товар испортили, а теперь ещё и поменять хотите, – добавляет она ледяным тоном. – Много вас таких... Поразвелось жулья.

Я сглатываю подкативший к горлу колючий комок, говорю хрипло.

– Вы в своём уме?

– Я-то в своём... – звучит ответ.

– Что я мог нарушить? Все делал, как положено – не первый год такими вещами пользуюсь...

– В общем так! – заявляет продавщица. – Со своими претензиями можете идти в общество по защите прав потребителя. Там вашу катушку направят на экспертизу. Вы её оплатите, и она установит, в чём дело. Если вы не виноваты, катушку я вам заменю.

– Где это общество находится? – интересуется Костик.

– Да ладно тебе, Кость, – говорю я, чувствуя себя обгаженным с головы до ног, – забей. Ещё и за экспертизу платить, да и возни с этими разборками, наверняка, куча будет.

– Нет уж. Мы сейчас поедem и разберёмся. А за экспертизу я заплачу.

– Езжайте прямо по улице, потом направо третий дом, – направляет продавщица. — Там вывеска есть, увидите.

Дом, где обосновалось общество защиты прав потребителя, мы нашли сразу. Входная дверь закрыта. Смотрим на вывеску и видим, что сегодня у общества выходной.

– Понятно, – хмурится Костя. – И рабочий день с десяти ноль-ноль, до шестнадцати ноль-ноль... Всё для потребителя!

– Да хрен с ней, с этой катушкой, Кость. Старая ещё послужит. Поехали домой!

Спустя пять минут мы останавливаемся на площадке у моего дома. – Прибыли, – произношу я с удовольствием. – Пока машину здесь оставим, потом, когда ребята подтянутся, на стоянку перегоним.

– Лады, – соглашается Костик. – Ну что, переносим вещи?
– Погнали.

Пока Костик вытаскивает из багажника свои шмотки (забитый под завязку туристический рюкзак, гитару в непромокаемом чехле и набор котелков), я бегло осматриваю двор. Здесь прошло почти всё моё детство и часть юности. Пара песочниц под облезшими, а когда-то разрисованными под мухомор, деревянными грибами, три лавочки – на них любят скоротать вечер старушки, площадка, где раньше был каток, а в центре двора – огромная клумба. Занималась ей баба Тоня, бойкая плотно скроенная старушка. Без чьей-либо просьбы занималась. Просто нравилось ей возиться с землёй. Помню, как эта клумба появилась во дворе. Однажды весной, лет двенадцать назад, баба Тоня сама вскопала землю, откуда-то натаскала камней и кирпичей, выложила по кругу, чтобы образовали бортик для клумбы. А потом рассадила на ней цветы и клевер, а по краям – декоратив-

ные кустики. Когда всё это зацвело, двор преобразился так, что невозможно было узнать. Кажется, радуйся, благодари бабу Тоню, но... Многие старушки, а также молодые женщины нашего двора, глядя на то, как баба Тоня пестует свою клумбу, морщились, крутили пальцем у виска и обзывали душой. А баба Тоня тем временем трудилась, не покладая рук. После клумбы взялась за песочницы. Вычистила от старого песка, где-то с кем-то договорилась, чтобы привезли новый. Потом покрасила лавки, без помощи мужчин залатала в них прорехи. Отреставрировала коробку катка: на тот момент она имела вид весьма непрезентабельный. Её усилиями и договорённостями каток зимой стали заливать, к нему потянулись дети. На следующее лето стараниями бабы Тони во дворе появились детские качели. Всё это происходило на глазах, но так тихо, буднично и незаметно, что казалось, само собой, и вообще, всё это здесь было всегда – и клумба, и свежеекрашенные скамейки, и качели, и даже функционирующий каток – будто бы баба Тоня здесь вовсе ни при чём... А ещё баба Тоня регулярно мела двор, чистила его от снега, хотя не числилась дворником и ни копейки за это не получала. Её усилиями двор преобразился настолько, что со всего района сходились посмотреть. Как-то раз даже приехала откуда-то, наверное, из областного центра, телевизионная группа, чтобы сделать репортаж о нашем дворе. Пытались журналисты взять интервью у бабы Тони, но она ни слова не сказала, стояла молча, потупив взгляд. А однажды ба-

ба Тоня принесла откуда-то саженец – молодую, тоненькую, как палочка, чахлую берёзку. Посадила её в самом центре клумбы. Ходила за ней, как за ребёнком. И берёзка ожила. Пошла в рост. Через несколько лет превратилась в сильное высокое деревце, дотянулась до третьего этажа. А старушки и женщины по-прежнему называли бабу Тоню дурой, работающей бесплатно... Года три назад, об этом мне рассказала моя бабушка, по двору прошел слух, что баба Тоня колдунья. Узнав об этом, почти весь женский пол нашего двора совсем озлобился на неё, перестал подпускать к ней детей и внуков. А потом кто-то сказал, что колдовство её зарыто под берёзкой и, чтобы его разрушить, берёзку нужно спилить. Недолго думая, за бутылку наняли какого-то алкаша, и тот ночью берёзку спилил. Надо было видеть и слышать, как по утрам рыдала баба Тоня у клумбы... С тех пор её словно подменили. Целыми днями сидит она на лавочке, она и сейчас там сидит, вот она в старом рабочем халатике и косынке, сгорбленная смотрит на клумбу, в центре которой среди увядших цветов и зачахших кустиков торчит пенёк – всё, что осталось от её берёзки... А двор... Двор живёт... Коробку катка разломали и растащили на дрова ушлые ребята, занимающиеся заливкой крыш, надо же чем-то топить бочку? Песок в песочницах загажен кошками. Лавки облезли и расшатались – не сегодня-завтра развалятся. Качели утащили – наверняка сдали на металлолом бомжи или забулдыги. А молодые женщины и старушки по-прежнему злятся –

теперь уже на власть, которая и пальцем о палец не ударит, из-за которой весь двор загажен, а для их детей и внуков нет в нём никаких развлечений.

Костя закрывает машину, цепляет на плечо рюкзак, подхватывает гитару и котелки, а я беру пакеты с продуктами. Сгибаясь под тяжестью ноши, мы направляемся к моему подъезду. По пути я бросаю взгляд на окна четвертого этажа. В одном из них озарённое улыбкой лицо моей бабушки. «Привет», – киваю я ей, улыбнувшись. «Здравствуй», – кивает она и исчезает из вида. Сейчас она по давно заведённой доброй традиции примется собирать на стол, чтобы попотчевать блудного внука.

Взобравшись по лестнице, я распахиваю дверь и на секунду замираю на пороге, вдыхая запах квартиры – он ничуть не изменился: старые, побитые молью ковры, деревянный пол, кот Барсик и ещё один, не поддающийся описанию, уникальный запах... запах моего дома...

– Ба, я дома! – выдаю я с порога.

– Хорошо! – отвечает бабушка, гремя кастрюльками и сковородками.

– Ба, я с другом, можно он у нас денёк поживёт?

– Да хоть сколько! – доносится с кухни. – Ты же знаешь, я всем рада!

– Разувайся, Кость, рюкзак ко мне в комнату, продукты туда же. Ботинки с собой прихвати, а то кот их уничтожит. – Заслышав меня, в коридоре собственной персоной появля-

ется белый с рыжими подпалинами на мордочке и хвосте кот Барсик. Сквозь прищур лениво поводит взглядом по гостям. – Привет, котяра, – приветствую я его.

– Ф-фы-р-р, – безразлично фыркает кот и заваливается на пол.

Вслед за котом в коридор входит бабушка. Моя бабушка Аня. Со щемящим сердцем я отмечаю, что морщин на её лице прибавилось. Чёртово время... Не щадит близких...

– Это Костик, ба, – представляю я.

– Здравствуйте, бабушка, – произносит Костя, улыбнувшись.

Бабушка оценивающе смотрит на него, надолго задерживает взгляд на загорелом обветренном лице, произносит добро:

– Здравствуй. Что же ты гостя в коридоре держишь, Иван? Проходите, ребята, сейчас обедать будем.

...На крошечной «хрущёвской» кухоньке царит дразнящий аппетит аромат.

– Ну-ка, Иван, разверни стол! От стены к окну придвинь! – командует бабушка. – Чтобы все уселись. В тесноте да не в обиде! А ты, Костя, стул из комнаты неси!

– Есть! – по-армейски гаркает Константин. – Есть, принести стул!

– Сколько же другу твоему лет? – спрашивает бабушка, когда Костя вышел из кухни.

– Сорок три на следующей неделе будет.

– Сразу видно, что старше он. Как же вы познакомились?

– Случайно, ба...

С Костей мы действительно познакомились случайно. На «Куликовке». Ночью, сидя в компании у костра, среди всеобщего гула я краем уха уловил голос, наложенный на нехитрый гитарный аккомпанемент... Что-то в нём было, в том голосе, что-то, что заставило меня встать и пойти туда, откуда он доносился... Не сказать, что голос был идеален – сказывается Костино пристрастие к «Беломору», но была в нём неподдельная искренность и сила. Так мы и познакомились. Я просто подошел к костру и сел рядом с гитаристом и исполнителем в одном лице. Так и просидел до самого утра, а Костик всё пел...

– Стул доставлен! – рапортует Константин, вернувшись на кухню.

– Ставь его к столу! – распоряжается бабушка. – И садитесь, ребята. На первое суп рыбный. Ты, Костя, будешь такой есть?

– А как же?! – улыбается Костик, усаживаясь за стол. – Может, под горячее? – спрашивает у меня приглушенно.

– Ба, мы выпьем немного.

– Так и я с вами чуть-чуть, – кивает бабушка. – Сто грамм фронтовых, пожалуй, можно.

На Костином лице появляется вопрос.

– Ага, – подтверждаю я. – Бабушка у меня ветеран.

От моих слов Костя вздрагивает, как от удара током.

Его только что сгорбленная спина мгновенно выпрямляется, плечи расправляются. Такое ощущение, что если бы на нём была рубашка, а не футболка, он потянулся бы пальцами к горлу, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу.

– Ветеран? – спрашивает он растерянно.

– Да, – отвечает бабушка и, задумавшись на мгновение, добавляет: – С сорок второго по сорок пятый, как один день... словно вчера было... – по лицу её пробегает едва заметная тень, руки вздрагивают, чуть не расплескав тарелку с супом. – Вот растяпа! – спохватывается она. – Ну, чего вы, ребята, ждёте?! Разливайте что ли? Выпьем за молодость! – улыбается всеми лучиками морщин.

Ни слова не говоря, Костя послушно поднимается с места, выходит из кухни и возвращается с бутылкой. Я выставляю на стол стопки.

– Ну, давайте... – произносит бабушка. – Мы своё пожили... Теперь главное – чтобы у вас всё было хорошо. За то и выпьем!

Сдвинув стопки, мы выпиваем. Закусываем вкуснейшей рыбной похлёбкой. Сколько ни пытался сам сварить такую – ничего не выходило, хоть и рецепт простейший. Вроде бы всё делаю, как положено, а кус другой получается.

– М-м-м, – блаженно мычу я и тут же отправляю в рот вторую ложку.

– Вкусно! – констатирует Константин.

– Вот и хорошо, – улыбается бабушка. – Кушайте, ребята.

Мы кушаем. После рыбного супа переходим к котлетам с гречкой. Вроде бы куда проще, но сам тоже так не могу. И котлеты те же, и гречка... но нет. Одно слово – дом, всё тут лучше.

– Ещё по одной? – спрашивает Костя.

– Давай, – одобряю я.

– Меня обойдите, – говорит бабушка, прикрывая стопку ладонью. – Хватит. Что-то неважно себя чувствую.

Эти слова для меня, что ведро ледяной воды на голову. От начала приятного опьянения не остаётся и следа.

– Что с тобой, ба?

– Всю неделю в голове шумит что-то...

– Может, врача вызвать?

– Что ты... – грустно улыбается бабушка. – Возраст...

Врач тут разве поможет...

– А лекарства? Может, лекарства нужны? Так я в аптеку схожу!

– Есть у меня всё. Пью таблетки. Да ты кушай, Иван, что ты на меня, старую, смотришь? Вы ребята молодые, вам есть надо. Вам жить надо. Ну-ка, Костя, наливай!

Костик наливает. В молчании мы выпиваем. Утерев губы, Костик отставляет стопку, долго и пристально смотрит на бабушку, спрашивает:

– Как же вы на фронт попали?

– Правду сказать? – отвечает она затвердевшим, как металл, голосом. Черты лица её, обычно мягкие, каменеют.

– Да, – выдыхает Костя, словно испугавшись той самой правды.

– Что ж... Ивану я уже говорила, скажу и тебе... Страшно... Страшно было. Может быть, вам не понять... Только два месяца в оккупации я побывала. Хватило вот так! – ладонью бабушка рубит по горлу. – Мальчика, одноклассника моего... – сжимает кулаки, – повесили... Мишу Когана. Сказал он что-то по глупости офицеру немецкому, а его прямо тут же взяли и на площади повесили. У меня на глазах. Видел, как вешают?

Костик судорожно сглатывает.

– Семнадцать лет ему было... семнадцать, – продолжает бабушка. – И сколько ещё их таких на столбах висело мальчиков... А девчонку, подружку мою, эс-эсовцы в соседнем с нашим бараке всем взводом насильовали. Так она кричала, что по всей округе слышно было. Посмотрела я на всё это и решила: лучше умереть со своими, чем сдохнуть под фашистами! И ушла. Мать плакала, не пускала, а я ушла... И ничего... может, потому и сижу сейчас с вами, что ушла...

– Спасибо вам... – поизносит Костик, потупив взгляд. – Спасибо... – он свинчивает пробку с бутылки, разливает водку. – За вас, бабушка! – говорит, стукнув своей сопкой о мою. – Живите! Очень нужно, чтобы вы жили! Вы нам очень нужны!

– Спасибо, – отвечает бабушка. – Спасибо, Костя. Жаль, что не все так считают. Сколько стариков бедствуют, сколько

своими же детьми и внуками на улицу выброшены.

Костик мрачнеет, как грозовая туча. Не выпив, ставит стопку на стол.

– Есть такое... – говорит с болью в голосе. – Есть...

– Ты в окошко глянь, – предлагает бабушка. – Видишь, бабули на лавочке сидят?

Привстав со стула, Костик выглядывает в окно:

– Вижу.

– Подружки. Две погодки мои, а третья молодая – семьдесят восемь всего, – улыбается бабушка. – Войну пережили. Что с того, что на фронте не были? А в эвакуации на заводе им сладко было? По восемнадцать-двадцать часов в день у станка – каково это? Всё для фронта, всё для победы! А теперь, что теперь они имеют? Пенсию грошовую? Да на таблетки одни сколько надо – старые же они, больные! А кушать на что? На помойку их выкинули, вот что я тебе скажу! Государство выкинуло – то, которому они свою молодость и здоровье отдали. Я уж им не говорю, что я – ветеран. Стыдно мне, понимаешь? Стыдно... – в бабушкиных глазах появляются слёзы. – Ну, как это тебе объяснить... Стыдно за то, что пенсия у меня больше... Налей мне ещё... половинку...

– Нет нам прощенья... – сквозь зубы произносит Костя, наполняя её стопку. – Нет... – лицо его побелело, скулы заострились, а на лбу пролегли глубокие борозды морщин.

– Что ты, Костя, что ты... – вздыхает бабушка. – Разве ваша вина?

– А чья же? – хмурится Костик. – Молчим, глаза закрываем, вид делаем, что не видим... А многие уже и действительно не видят. Словно так и должно быть.

На вытянутой руке бабушка поднимает стопку. Пальцы её подрагивают, водка в стопке колеблется, грозя выплеснуть наружу.

– Ну, давайте, ребята...

Чокнувшись, мы выпиваем.

– Пойду я, прилягу, – говорит бабушка, поднимаясь из-за стола. – Разморило что-то. А вы кушайте, ребятки.

Тяжело переставляя ноги, бабушка выходит с кухни. Съевшись, кусая губы, Костик смотрит ей вслед.

– Сдают старики, – произносит сдавленно. – Сдают... Уйдут, с кем останемся?.. Будем ли мы такими, как они?.. Такими... настоящими людьми? Не забудем ли, не растопчем память о них?

– Боюсь, что забудем, Кость.

– И я, Иван, боюсь... Смотрю вокруг и страшно становится. Превращаем историю нашу в анекдот. Пошлый, никчёмный. Причем на официальном уровне. Как грибы вылезают «историки» с «изысканиями», «опровержениями». Доходят до того, что Гастело летал пьяным, Матросов поскользнулся, – по Костиному лицу пробегает судорога. – Да он бы, сука, историк этот, хотя бы пьяным в колонну немецких танков врезаться попробовал или перед ДЗОТом «поскользнуться»! И что мы за люди такие? Любой другой народ ста-

рается доказать, что его герои, сказочные и реальные, самые крутые из самых крутых. Обеляет их, прощает грехи, превеличивает достоинства. И только мы поливаем своих героев грязью, жаждем смешать с дерьмом. Как это объяснить? – на несколько секунд Костик умолкает, разливая в стопки остатки водки. Разлив, продолжает: – Долго я думал и сделал предположение, что это такая особая разновидность стыда. Нам стыдно, что они были умнее, достойнее, мужественнее и порядочнее. А мы, подонки, не способны на то, что смогли они. Мы знаем это и нам стыдно. Но вместо того, чтобы улучшать себя, стараемся сравнивать с дерьмом их. Сравнием и ничто не будет колоть глаз, смущать подленькую душонку. Вот только как тогда жить, на кого равняться, кем вырастут наши дети без идеалов героя-защитника и гения-учёного? Мелкими малодушными пакостниками...

Порывистым движением Костя зашвыривает в рот порцию водки, пожевав губами, спрашивает:

– Где тут у вас покурить можно?

...Из кухни мы переместились в мою комнату. Распахнув окно, Костик усаживается на подоконнике, закуривает. Я тем временем провожу ревизию вещей в гардеробе. Извлекаю из него шерстяной свитер, теплые вязаные носки, пару походных камуфляжных штанов, пару футболок и штормовку. Из кладовки достаю спиннинг, катушку, коробку с блёснами и садок, следом – «болотники», скатку с палаткой, спальник, туристический трапик и мощный охотничий нож

в ножнах из задубевшей кожи. Что ж, все самое необходимое в наличии. Быстро собираю рюкзак, стягиваю его потуже. Всё, дело сделано, к приключениям я готов.

– Какие планы на остаток дня? – интересуется Костя, задушив папиросу в импровизированной пепельнице – срезанной наполовину алюминиевой банке из-под коктейля.

– Надо бы с Вадиком пересечься, узнать, во сколько он нас завтра подобрать сможет.

– Где встречаемся?

– Сейчас узнаем...

По телефону Вадик назначил нам встречу на перекрёстке у центральной площади. Совсем я забыл, что сегодня день города. По сему случаю на площади организованы массовые мероприятия: гремит музыка – вживую играет какая-то группа, у сцены толпится народ, тут и там на ветру реют триколоры.

– Привет, – приветствует нас Вадик и протягивает руку.

– Привет, – сжимаю я его ладонь. – Вадь, это Костя, познакомься.

– Вадик... Костя... – парни обмениваются рукопожатием.

– Ну, что скажешь, Вадь?

– В норме всё, – сообщает Вадик. – Я три дня выходной, так что в любое время в вашем распоряжении.

– На чём поедем?

– Завтра утром в гараж смотаюсь, там ясно будет. Либо

ГАЗ шестьдесят шестой с кунгом, либо ПАЗик.

– Отлично! Ну что, по пивку?

– Можно! – с готовностью соглашается Костя.

– Завтра рулить... – сомневается Вадик. – Если только одну...

– Пошли, я угощаю!

В ларьке, на краю площади, я покупаю пиво. По периметру площади установлены скамейки, но сейчас все они заняты, так что нам приходится распивать стоя прямо у ларька. Вокруг снуёт уже успевшая подгулять молодежь. Звучит перекрывающий музыку мат и смех. Считаются деньги, покупаются коктейли и пиво, «стреляются» сигареты, заводятся знакомства на вечер, а может быть и на ночь. Откуда-то доносятся звуки ссоры, грозящей перерасти в драку. В общем, праздник удаётся.

– Это нечестно! – восклицает Костя, оторвавшись от бутылки.

– Чего?

– Гляди какая! – тычет Костик рукой.

Я смотрю в указанном направлении. Там группка из трёх девушек. Среди них выделяется одна: рыжеволосая особа с пышной грудью, упакованной в коротенькую маечку, и шикарными ножками, прикрытыми душераздирающе короткой миниюбкой.

– Это нечестно, иметь такую грудь и не быть знакомой со мной... – изрекает Костя, и нас с Вадиком разбирает смех.

– Ну, иди, восстанови справедливость! – подначиваю я Константина.

– И пойду, – заявляет он. И действительно идёт.

Поравнявшись, как бы невзначай заговаривает о чём-то. На лицах девушек появляются выражения сначала лёгкого недоумения, а потом – заинтересованности. Не давая им опомниться, Костя говорит ещё и ещё. Не знаю, что он там плетёт, но дамам, судя по всему, нравится. Они благосклонно улыбаются, и вскоре между ними и Костей завязывается оживлённая беседа.

– Профессионал, – улыбается Вадик. – Я так лапшу вешать не могу, – добавляет он и, протяжно зевнув, сообщает: – За двое суток часа четыре спал.

– Чего так? Любовь-морковь или...

– Или, – морщится Вадик. – В столицу мотался.

– По работе?

– Ага, – зевает ещё раз. – Целый вагон казахов на Казанский припёрли... Забирал их.

– Не понял... Сюда их, что ли, привёз? – уточняю я.

– Ага, – лениво кивает Вадик.

Брови мои лезут на лоб.

– На кой они здесь в таком количестве?!

– Как на кой? На заводе работать. Своих-то разогнали: то сокращение плановое, то хозяева меняются – вне плана гонят. Классных токарей выперли. А сейчас спохватились – заказы пошли, а работать некому. Мужики все в Подмоскowie

уехали и возвращаться не хотят: кто обиделся, кого зарплата не устраивает. Сам посуди, они там за ту же работу в три раза больше получают! Вот и везут этих. А они... – со вздохом Вадик машет рукой, – не то, что у станка не стояли, а вообще не знают, что это такое, зачем и с какой стороны к нему подходить. Мужики плачут, когда работу от них принимают, – почти всё переделывать приходится. Работнички... – брезгливо морщится Вадик. – Наплетут с три короба, какие они классные и умелые, их сюда и везут, а у них цель одна – из аулов своих выбраться любой ценой, здесь обосноваться. Там что они имеют: голую степь или голые горы, а здесь – цивилизация. Здесь для них настоящий рай.

Вадик умолкает, отхлёбывает пиво из бутылки, полощет им рот и, проглотив, добавляет:

– Здесь они плодятся, набирают силу. Тут всё невыносимее и тяжелее становится жить нам, но им, приехавшим из абсолютной нищеты и разрухи, тут сказка...

– Вадь, – перебиваю я, – ты не перегибаешь, так ли уж невыносимо? Посмотри, – киваю в сторону скачущей у сцены толпы, – им вроде хорошо, им нравится...

– Да? – грустно улыбается Вадик. – А ты присмотришь, кто там! Молодняк до двадцати лет. Не понимают, не соображают, что происходит! Им пока ещё всё равно. Бесятся, пиво-водку пьют. И не замечают, нет им дела до того, что мы потихоньку вымираем... А нас заменяют эти... гости из соседних республик! Слышал, в верхах обсуждают но-

вую миграционную политику: собираются восполнять недостаток населения за счёт мигрантов?

– Слышал.

– А к чему это приведёт, задумался? – Вадик испытующе смотрит на меня и, не дождавшись моего ответа, отвечает сам: – Да при таком подходе лет через пятьдесят всякий, кто захочет, будет звать себя русским – несмотря на цвет кожи и разрез глаз!

– Вадь, ты прям националист какой-то... Что ж теперь гнать всех нерусских, не давать в страну въезжать?

Лицо Вадика искажается, на нём появляется гримаса – смесь боли и полнейшей безнадёги.

– Да какой я националист, Иван? – спрашивает он тоном полным отчаяния. – Почему, как только кто-то заговаривает о том, что у русских в этой стране должны быть какие-то права, его сразу же обвиняют в национализме и, вообще, во всех смертных грехах? Национализм тут при чём? И зачем кого-то гнать? Я всего лишь о том говорю, что, может, хватит решать проблемы через заднее крыльцо? Может, наконец-то поднять наш уровень жизни, чтобы мы плодились и множились, а не рассчитывать, что приезжие заменят нас, согласятся жить и работать в этом дерьме, – Вадик разводит руками, как бы пытаясь захватить побольше пространства вокруг, – так как дерьмо это не такое дерьмовое, как на их родине? Может, наконец, властям по-настоящему задуматься о благополучии населения этой страны – бросить показуху и бре-

довые идеи и заняться делом?

– Ага... – вздыхаю я. – Делом заняться давно пора...

Музыка на сцене внезапно умолкает.

– А сейчас с обращением к вам выступит депутат городской думы Пётр Васильевич Востриков, – эхом разносится по площади.

На сцену поднимается низенький, коротконогий дядечка с солидным, нависающим над поясным ремнём брюшком. Пристроившись к микрофону, вещает:

– Здравствуйте жители нашего любимого города! Рад приветствовать вас!

В ответ из толпы у сцены раздаются редкие аплодисменты.

Вадик хмыкает, ставит опустевшую бутылку под ноги.

Произносит лукаво:

– А ведь я теперь тоже партийный, Вань!

– Как же тебя угораздило? – удивляюсь я искренне.

– На прошлой неделе зашёл за зарплатой. Мне кассирша и говорит: «Распишись тут и тут». Я без всякой мысли расписался и по делам пошел. А к вечеру меня вдруг сомнения мучить начали: почему два раза расписаться пришлось, обычно же один! Деньги пересчитал: нет, премию не дали... Я бегом в бухгалтерию: «За что второй раз расписывался?», – интересуюсь. «Теперь ты в партии!» – отвечают мне... Ты, Вань, догадываешься в какой?

– Тут, Вадь, к гадалке не ходи, – усмехаюсь я.

– Я, как представитель самой лучшей партии, – тем време-

нем выкрикивает со сцены депутат, – партии «Единая Россия», не могу не отметить, что год от года жить становится всё лучше, я бы даже сказал веселее! Да жить становится веселее, доказательством тому сегодняшний праздник! Наше с вами единение, единство! Да! «Единая Россия»!

– Сынки, – раздаётся за нашими спинами. – Можно я бутылочку заберу?

Синхронно обернувшись, мы видим перед собой сгорбленную, не по-летнему укутанную в шерстяную шаль бабушку.

– Сынки, бутылочку можно?.. – повторяет она, не поднимая глаз. В руках её огромные, едва не в пол её роста, сумки, доверху набитые бутылками.

– Конечно... – Вадик поднимает бутылку, протягивает ей. Поставив сумки на землю, бабушка принимает бутылку, прячет в одну из сумок.

– Спасибо сынок, – произносит устало. Чистая, опрятно одетая она совсем не вяжется с бомжами и уличными побитыми, вызывая у меня ощущение дискомфорта: что она здесь делает, зачем? – Ещё чуть-чуть похожу и можно домой... – говорит она едва слышно, скорее для себя, чем для нас, подхватывает сумки и уходит тяжёлой шаркающей походкой.

– Растут заработные платы! – несётся ей вслед со сцены. – Увеличиваются пенсии! Наши пенсионеры чувствуют уверенность, ощущают заботу государства! Многие из них уже

ездят отдыхать за границу!

– А что это вы тут делаете?! – одновременно с хлопком по плечу звучит у меня над ухом Костин голос. Судя по голосу, Костя пребывает в отменном расположении духа.

– Да так, в общем, ничего... – отвечаю я, оборачиваясь.

– Что-то вы кислые какие-то... – произносит Костик неуверенно. – Стряслось чего?

– Стряслось, – цедит Вадик. Лицо его побледнело, уголки губ опустились, а брови съехались к переносице.

– Что?

– Да так, – машет Вадик рукой. – Пойду я, мужики, ладно? Завтра созвонимся.

Мы обмениваемся прощальными рукопожатиями, и Вадик уходит.

– Что это с ним? – спрашивает Костя, настороженно глядя ему вслед. – Вид у него такой, словно привидение увидел.

– Угу, – бурчу я неопределённо. – У тебя-то как дела? Справедливость восстановил?

– Нет справедливости на свете, – кисло улыбается Константин.

– Это почему же?

– Парень у неё. Жениться собираются.

– Это она тебе так сказала?

– Ага.

– И ты сразу на попятные? Ну ты даешь!

– Да иди ты, – беззлобно посылает меня Константин.

– Эх, Костик, ты прямо последний романтик какой-то... – картинно вздыхаю я.

– Да иди ты... – повторяет Костя.

– И пойду! – заявляю я. – Домой пойду, – поясняю, поймав удивленно-настороженный взгляд Кости. – И тебе со мной пойти советую.

Дома мы располагаемся в моей комнате. Костику, как гостю, я выделяю кровать, для себя организую ложе из кресла и приставленной к нему пары табуреток.

Костик плюхается на кровать поверх одеяла, с наслаждением, до хруста в суставах, потянувшись, спрашивает:

– Ну что, Иван, прильнем к дибиллизору?

– К чему?

– К «ящику», – Костик указывает на телевизор, – прильнём?

– А... это можно...

На мгновение вспыхнув голубым, экран «ящика» расцветает всеми цветами радуги – показывают какой-то ботанический сад. По самый подбородок зарывшись в растительность, восторженным голосом молоденькая корреспондентка рассказывает про кустики и цветочки. На следующем канале боевик, судя по массивным челюстям и квадратным задницам актёров, – Голливудский. На следующем канале начинается выпуск новостей.

– Ну-ка давай послушаем! – настаивается Константин.

«Рост цен на товары из потребительской корзины, заказное убийство в Череповце, коррупционеры в Таганрогской мэрии, пожар в доме-интернате для престарелых в селении Екатерининское Омской области и репортаж о том, как жители Комсомольска на Амуре за свой счёт собираются поставить памятник президенту Путину – всё это вы увидите сразу после короткого перерыва на рекламу. Оставайтесь с нами!», – скороговоркой выдаёт диктор, и на экране появляются до боли знакомые прокладки с крылышками.

Заметив, как сморщилась физиономия Кости, я нажимаю на кнопку пульта, переключая канал, и на фоне стоящего на постаменте танка Т-34 вижу орденосного ветерана. Крепкий ещё, с пышной седой шевелюрой дед рассказывает о том, как воевал в экипаже именно такой машины. В голосе его гордость с лёгким налётом грусти – так и слышится «Это было недавно, это было давно...».

– Что бы вы хотели сейчас больше всего? – спрашивает ветерана корреспондент.

Лицо ветерана мрачнеет. Он долго не отвечает, морщит и без того морщинистый лоб, беззвучно шевелит губами.

– Может быть, снова стать молодым? – приходит ему на помощь корреспондент.

На мгновение ветеран оживляется и, кажется, хочет сказать «Конечно!», но вновь впадает в задумчивость.

– Знаете, – говорит он, наконец, – я бы очень хотел, чтобы не было войны... никогда.

И эта ныне избитая фраза из его уст слышится совсем по-другому – не так, как её произносят большинство моих сверстников и даже людей старшего возраста – тех, кто о войне знает лишь по книгам и фильмам. В этой фразе теперь вселенская боль и тоска. И ни капли пафоса... Пробирает до дрожи.

– Знаешь, Кость, а я бы так не смог... – произношу я, поёжившись.

– Как? – вяло отзывается Костик.

– Так, как они, – указываю рукой на ветерана в телевизоре. – Сгореть в истребителе в небе над Орлом или в танке под Прохоровкой, встать из окопа и побежать в атаку, зная, что, скорее всего, меня сейчас убьют...

– Это тебе только кажется, что не смог бы, – перебивает меня Костя. – И им, скорее всего, так казалось до войны.

– Наверное...

– Давай спать, Иван, – предлагает Костик, помолчав.

Как только в комнате погас свет, Костя начал тихо посапывать, а вскоре принялся храпеть во всю носоглотку. Не сказать, что его храп мешает мне спать – не обращать внимания на храпящих соседей я привык ещё в общаге. Уснуть мне не даёт что-то другое. Какое-то смутное беспокойство. Оно не ново, когда-то оно уже мучило меня... Вот только забыл я, что оно означает. Судя по всему, что-то со мной не так... Или вокруг меня... Есть что-то, чего быть не должно... Перевернувшись на правый бок, я пытаюсь разгадать –

что именно. Не выходит... А беспокойство не отпускает, оно крепнет... Встав со своего ложа, я подхожу к окну, и сквозь стекло мой взгляд упирается в развороченный мусорный контейнер на заднем дворе. У контейнера в свете фонаря возится какое-то сгорбленное существо в затрапезного вида лохмотьях, по которым невозможно понять, мужчина это или женщина, а может быть и вовсе ребёнок... Распотрошив очередной пакет с мусором, существо откидывает его в сторону и, навалившись животом на борт контейнера, погружает в него голову и плечи. Спустя пару секунд вылезает, держа в руках деревянный ящик. Повертев его, зачем-то принимается разламывать на доски. Они крошатся, щепы разлетаются по сторонам. Хруст стоит такой, что достаёт даже через закрытое окно. И тут моё «что-то не так» неожиданно оформляется в мысль: «Да ведь нас же ломают!» Именно ломают, в бараний рог гнут! Ведь мне ещё не так давно было до боли жалко нищих калек, просящих милостыню в переходах, стариков, «достойной» пенсией выгнанных на паперть, детей, попрошайничающих в электричках. И я пытался понять, отчего так происходит, догадывался, что не должно так быть, нехорошо это, несправедливо, а потом... потом жизнь навалилась бетонной плитой. Проблемы, дела, желание заработать денег. И то самое «что-то не так», которое, наверное, и называется чувством социальной несправедливости, начало притупляться. Какое-то время мне ещё было стыдно, отводил глаза от просящих подаяния, а затем стыд ушёл: смот-

рел и не видел, как бредут по вагонам сторбленные старики, думал о своём, жалел себя любимого. Забыл. Но теперь вспомнил. Не так что-то в этом моём безмолвном и отрешённом созерцании бедствия сотен тысяч людей. Что не так? Вот что: «молчу, не вижу» = «согласен» = «одобряю». Эта мысль пронзает меня, словно током. Жуткая математика получается... Ведь раз согласен, раз одобряю, значит и моя участь будет такой же! Так же буду брести по метро с протянутой рукой. От осознания этого меня охватывает нервная дрожь. Волосы на загривке встают дыбом. Но ведь так и будет! Все мы – безмолвствующие – будем стоять с протянутой рукой и подыхать на помойках. И поделом! Заслужили! Позволили сломать себя! Да-да, именно сломать! Нас ведь ломают каждый день, гнут в бараний рог. Нас, тех кто молод и силен, уже готовят к участи нищих попрошаек... Стоит лишь оглядеться вокруг, чтобы понять это. И мы с удовольствием гнёмся. Попрошайничающие инвалиды и подбирающиеся старики примелькались нам, стали явлением обыденным. Мы привыкли, что так и должно быть. Мы совершенно спокойно воспринимаем это. Нас уже согнули – дальше некуда. И мы принимаем эти правила, ведь, очень просто согнуться, забиться в норку и отрешиться от всего. Ну, подумаешь, пенсионеры нищенствуют, подумаешь, беспризорников, как после революции... ерунда какая. Что мне до них? Я ведь единственный самый-самый, со своими самыми-самыми насущными проблемами, а остальные – плевать на остальных.

Да нас уже сломали. Нам гораздо проще смириться, принять, прогнуться, чем сказать: «Хватит! Так жить нельзя!»; чем попробовать хоть что-то изменить к лучшему в этой жизни – иначе наше место действительно на паперти и на свалке...

Охватившая меня дрожь усиливается. Вибрация охватывает всё тело, мышцы начинают судорожно сокращаться. Опрометью, сшибая по пути приставленные к креслу табуретки, я выскакиваю из комнаты. Вбежав в кухню, открываю холодильник, достаю бутылку, распечатываю и до краёв наполняю водкой большую фарфоровую кружку. Трясущими губами припадаю к ней. Пью жадно, совершенно не чувствуя водочного вкуса. С каждым глотком дрожь на чуть-чуть отступает. Выпив всё до капли, лезу за заначкой – в нижнем ящике буфета у меня всегда припасена пачка сигарет. Всё ещё подрагивающими пальцами сломав пару спичек, прикуриваю от третьей. Затягиваюсь глубоко – под завязку наполняю лёгкие дымом. Прежде чем выдохнуть распахиваю окно. Из него в лицо мне ударяет ночная прохлада, снимая остатки стресса. В голову бьёт хмель, заставляя опуститься на стул. Клубы дыма вырываются из моих ноздрей и рта, поднимаются к потолку, висают там, а затем потихоньку выползают на улицу.

– Господи... – вырывается из моих губ, – Господи...

– Что это ты, Иван, – раздаётся с порога кухни бабушкин голос, – полуночицаешь?

Подойдя к столу, бабушка кладёт руку мне на плечо. Рука

её почти невесомая и такая нежная... Ощущение от её прикосновения не описать словами. В груди моей мгновенно образуется клубок блаженного умиротворения. Не спеша разматывается, тончайшими ниточками обволакивает сердце.

– Пьёшь один? – спрашивает бабушка настороженно. – Что случилось, Ванюша?

– Случилось... – вздыхаю я тихо.

Рука бабушки легонько вздрагивает.

– Что?

– Жизнь...

– Жизнь... – вторит бабушка, пожав моё плечо, и ненадолго умолкает, а затем продолжает тихим, но твёрдым голосом: – Какую жизнь мы прожили – революция, война, послевоенная разруха. Такого и врагу не пожелаешь. Плохо ли, хорошо – всякое было, но своё прожили, теперь жить вам. А какая она, жизнь ваша, будет – так это от вас, Иван, зависит. Только от вас. Вам выбирать, вам жизнь свою строить. Решайте. Решите правильно – всё хорошо будет, ошибётесь – пощады не ждите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.